

Ш-507 Г

188661

Вадим ШЕРШЕНЕВИЧ

ГВЕРИЛЬЯ

■ ■ ■

ИСКУССТВО

(Стеклографическое издание)

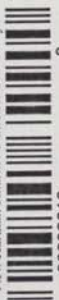
1938

Цена 5 руб.

С заказами на пьесы обращаться по адресу:
Москва, 31, Петровка, 10, помещ. 53. Издатель:
„ИСКУССТВО“ — „Книга-почтой“.

Пьесы высылаются наложенным платежом. П
ные проспекты — по требованию бесплатн

V.N. Karazin Kharkiv National University

00832616

0

1) Sc
2) Ученая -
исправ. Бюро
с Канцелярией
ПК-1

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

М 5072

На правах рукописи

Г В Е Р И Л Ь Я

Историческая хроника в 4 действиях,
9 картинах

/Консультация проф. Е.Л.Штейнберга/

Государственное издательство
ИСКУССТВО

/Стеклографическое издание/

Москва
-1938-

В. П. ПУШКИН

Полное собрание сочинений

ТОМ V

(Сочинения в прозе)

Москва

1923

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕДРО - трактирщик.

ПАБЛО - его брат, сельский старшина.

ХУАН - доктор.

АННА - жена Хуана.

МЕРСЕДЕС - дочь Педро.

МИГУЭЛЬ ПАРДО - жених Мерседес, студент, по прозвищу "буравль".

АНТонио - сын Хуана и Анны.

ПОЧТАЛЬОН.

АББАТ МОЛИНО.

КОРОЛЬ КАРИ ЧЕТВЕРТЫЙ ИСПАНСКИЙ.

КОРОЛЕВА.

ФЕРНАНДО - принц Астурийский.

МАНУЭЛЬ ДЕ-ГОДОЙ - премьер-министр.

АЛЬВАРЕЦ - его секретарь.

ИСКВИЕРДО - приближенный Годоя.

КАНОНИК КАРЛА.

НАПОЛЕОН - император французов.

ЖОЗЕФИНА - его жена.

ЖОЗЕФ - брат Наполеона.

ТАЛЕЙРАН - министр Наполеона.

РЕМОЗА - секретарь Наполеона.

КЛАРА РЕМОЗА - его жена.

САВАРИ - генерал.

ДЮПОН - генерал.

ПАСТУХ.

СТОКИВСКИЙ - поляк, французский солдат.

АДЪЮТАНТ НАПОЛЕОНА.

ГАРЦИА - гверильяс.

СВЯЩЕННИК.

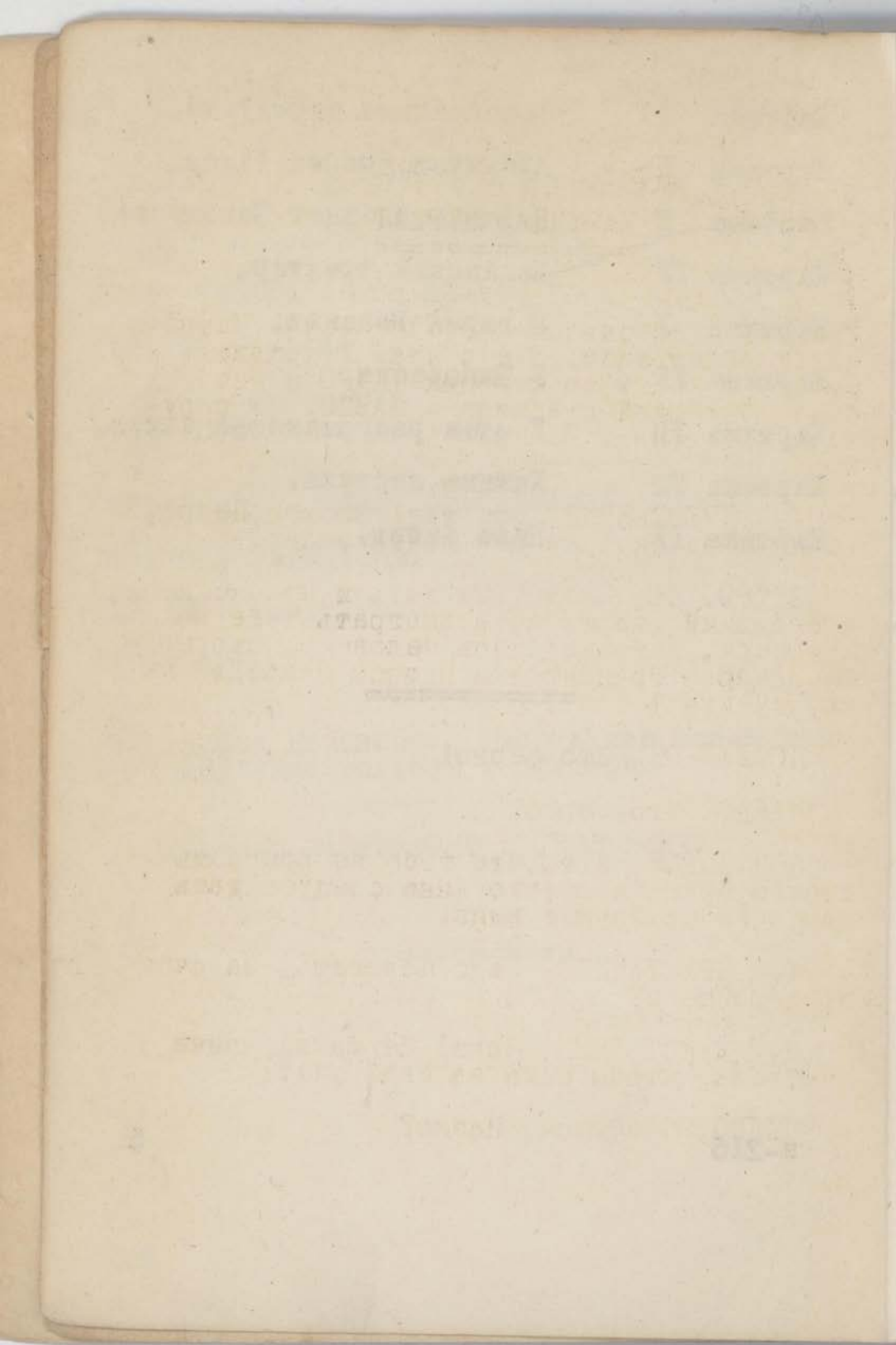
Придворные Наполеона, гверильясы, испанские
и французские солдаты и офицеры.

Действие происходит в 1808 году.

=====

Картина I	В испанской деревушке.
Картина II	Аранжуэц. Дворец Годоя.
Картина III	Байонна. Кабинет Наполеона.
Картина IV	Испанский трактир.
Картина V	В горах Испании.
Картина VI	У Наполеона.
Картина VII	У стен разрушенного замка.
Картина VIII	Хижина пастуха.
Картина IX	Поле битвы.

=====

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Трактир в небольшом местечке между Мадридом и Аранжуэсом. В е с н а. У прилавка играют в кости трактирщик ПЕДРО и его брат, сельский старшина - ПАБЛО. Их окружают крестьяне. За прилавком - АННА и СЛУГА.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Вот так! Смотри, Педро, не поддавайся... ты его почти запер.

ПЕДРО. Да, Пабло! Ты хоть и моложе меня, и сельский старшина, а выиграть тебе не придется. Нет еще здесь человека, который бы обыграл трактирщика Педро. Анна! Дай-ка кружку вина!

ПОЧТАЛЬОН. Это верно!

ПАБЛО. Что верно?

ПОЧТАЛЬОН. А то, что тебе не обыграть твоего брата и то, что Анне следует дать нам всем по кружке вина.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Надо полагать, за счет проигравшего?

2-й КРЕСТЬЯНИН. Ясно! Не такие нынче у нас дела, чтобы пить за свой счет!

ПЕДРО. Сдаешься, Пабло?

ПАБЛО. Сдаюсь!

/К р и к и./

Дай, Анна, всем по кружке. Я плачу.

3-й КРЕСТЬЯНИН. Браво, старшина! Когда один проигрывает, другие выигрывают.

ПЕДРО /разносящей вино Анне/. А где Хуан?

ПАБЛО. В самом деле — где твой муж, Анна? Разве у сельского врача так много работы, чтобы пропадать по целым дням?

АННА. Откуда мне знать, где Хуан? Он с утра ушел вместе с сынишкой Антонио, сказал, что идет к больному.

ПОЧТАЛЬОН. Уж не к больной ли?

АННА. Вот уж нет. Не такой человек Хуан.

ПЕДРО. Однако, это верно, что с тех пор, как проскитный Наполеон вторгся в нашу страну, сына моего нельзя узнать. У него завелись какие-то новые дела.

АННА. Я дел его не знаю и французов знать не желаю. Я простая испанская женщина и хочу, чтобы у меня все было исправно в хозяйстве. Боюсь я этой политики. Если мой Хуан будет лезть в политику, его могут порезить... И к чему только эта война?

ГОЛОСА ЖЕНЩИН. Верно!

- Еще сыновей наших
заберут!

- Виноградники опустеют!

ПЕДРО. Всему причиной этот подлый

Годой. Вот кто губит Испанию! Еще не было у нас таких министров.

ПАБЛО. А королева, говорят, на этот счет другого мнения. Души не чаёт в Годое.

2-й КРЕСТЬЯНИН. Я не королева и мне с этим проклятым Годоем в кровать не ложиться.

ПАБЛО. Постыше! У короля Карла ушей побольше, чем сля на твоих деревьях.

ПЕДРО. Тяжелое время переживает испанец, если ему надо молчать о том, что он думает.

ПАБЛО /тихо/. При плохом короле всем живется плохо.

ПЕДРО. Ну, грандам живется все-таки получше, чем нам. /Местами зовет окружающих, понизив голос./ Наш священник говорил мне, что гранды вовсе не хотят сражаться с французами... Они просто хотят отдать Испанию Наполеону!.. И они это сделают.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Но, но! Испанцев не отдашь!

ПАБЛО. Если ты будешь так орать, тебя отдадут первого! И повесят! Неровен час...

/С т у к копыт./

Т-сс! Слышите: кто-то подехал?

ПЕДРО. Погляди в окно, Анна! Кто это?

/ВСЕ уселись./

АННА. Да это дон-Мигуэль Пардо! Глядите, глядите... он не на своем облезлом муле, а

на хорошей лошади... он ее пригвозждает...

ПОЧТАЛЬОН. Что это к вам повадился этот захудалый студентик?

АННА. Уж не потому ли, что здесь Мерседес!

І-І КРЕСТЬЯНИН. Видно, Педро задумал породниться с дворянами!

ПЕДРО. Дон-Мигуэлю не видать Мерседес, как своих ушей! Мерседес дочка хорошая и возьмет себе в мужа нашего крестьянина, а не этого общипанного гидальго из Аранжуэца.

МИГУЭЛЬ /входит/. Добрый день, друзья!

АННА. Здравствуйте, дон-Мигуэль! Что это вы сегодня не на вашем осле, а на добром коне?

МИГУЭЛЬ /весело/. У Наполеона в армии одним ослом больше стало.

ГОЛОСА. Как так? Что такое?

МИГУЭЛЬ. Раньше всего - кружку вина! Горло пересохло. /Осужает кружку залпом./ Хорошо!

ПЕДРО. Видно, выпить кружку вина легче, чем прослушать лекцию в университете...

МИГУЭЛЬ. Конечно, дедушка Педро... Уж вам ли этого не знать!

ПЕДРО. Так я ведь не студент и не дон....

АННА. Откуда вы сейчас, дон-Мигуэль?

МИГУЭЛЬ. А вот послушайте... Я хоть и студент, и дон, а беден! Досталась мне от покойного отца усадьба близ Тарассона. Погодите, дайте еще кружку за отца выпить. Баткий этакий домишка, хоть и зовут его в округе замком... При усадьбе мул, тот самый, которого вы знаете, да старик слуга. Хотел и мула продать, уж больно неказист! Вот приезжаю я вчера в усадьбу, а усадьбы уже нет...

ГОЛОСА. Как так?

МИГУЭЛЬ. Французы заняли Тарассон... Замок сожгли, а мула забрали в свой обоз.

ПЕДРО. Стало быть, дон-Мигуэль совсем теперь обеднел?

МИГУЭЛЬ. Напротив, разбогател! Мула не надо кормить... Однако, шутки в сторону, друзья! Маршал Мират наступает на Мадрид... Наши отступают, не сражаясь... Говорят, таков приказ Годоя.

КРЕСТЬЯНИН. Я говорил, что он проспит Испанию!

МИГУЭЛЬ. Наши студенты говорят то же самое!

ПАБЛО. Король Карл не хуже вас понимает... Надо ждать и терпеть.

ПЕДРО. Только молодые могут ждать, у них впереди вся жизнь... А нам, старикам, ждать некогда! /Анне./ Что, Хуан еще не вернулся?

АННА. Нет, отец!

МИГУЭЛЬ. А где Марседес?

АННА. Ушла... Сказала, что идет в соседнюю деревню.

МИГУЭЛЬ. Я подожду ее. Можно, Педро?

ПЕДРО. У меня трактор, и каждый может ждать сколько угодно и кого угодно. Места и вина хватит...

МИГУЭЛЬ. Тем лучше...

/За сценой шум, множество голосов./

ПЕДРО. Должно быть, Хуан вернулся...

АННА /глядит в окно/. Нет, нет... это какой-то священник... И с ним много народа.

/Вваливается шумная толпа крестьян, монахов, ремесленников. В центре аббат МОЛИНО, молодой человек в щегольской рясе./

ОДИН ИЗ ТОЛПЫ. Принимай гостей, дядишка Педро... С нами аббат Молино... Он говорит нам о бедствиях нашей Испании.

ДРУГОЙ. Продолжайте, отец Молино... Слушайте, слушайте.

МОЛИНО. Да, друзья! Так больше продолжаться не может.

КРИКИ. Верно! Не может!

МОЛИНО. И мы положим этому конец!

КРИКИ. Давно пора!

ИЕДРО. Добрый день, господин аббат! О чем это вы так горячо спорите?

МОЛИНО. Мы не спорим... Никто не может спорить против моих слов, ибо в моих словах великая испанская правда!

ГОЛОСА. Правильно! Слушайте слова аббата!

МОНАХ. Устами его говорит наша святая церковь...

МИГУЭЛЬ. Как торжественно! Может быть, и мы, грешные, можем узнать эту великую испанскую правду.

МОЛИНО. Можете, господин студент...

МИГУЭЛЬ. Меня зовут дон-Мигуэль Нардо.

МОЛИНО. Если вы, студент... вы, дон-Мигуэль, можете в такое время сложить руки сидеть в трактире, то ничего доброго у нас не выйдет. Вы должны пойти за нами.

МИГУЭЛЬ. Может быть, я и пошел бы, но мне хочется знать, куда я прийду, если пойду за вами.

МОЛИНО. Куда? К свободе, к новой, светлой жизни!

ПОЧТАЛЬОН. Хорошо сказано! Здоровье аббата!

МОЛИНО. Вы спрашиваете, дон Мигуэль, куда я вас зову? Откройте глаза! Поглядите, что делается в стране. Наполеон вторгся в Испанию... Французы занимают наши города, грабят наши деревни.

АННА. Дон-Мигуэль знает это... У него самого французы сожгли замок.

МОЛИНО. Сожгли замок? И вы молчите? Нет, вы не испанский дворянин!

ПЕДРО. Почему же наши не дерутся с Наполеоном, господин аббат? Испанцы всегда сражались, как львы...

МОЛИНО. Потому что стадо львов под командой барана слабее, чем стадо баранов под командой льва.

КРЕСТЬЯНИН. Это кто же у нас баран?

МОЛИНО. Тот, кто изменяет королю в Испании. Это Годой!

КРЕСТЬЯНИН. Видишь, Пабло... Я ведь говорил то же самое, а ты сказал мне - потише!

МОЛИНО. Нет, не тише, а громче! Кричать всюду - в городах и селах, в церквях и на рынках, дома и на больших дорогах, по всей стране... Кричите все - крестьяне и гранды, ремесленники и монахи, купцы и студенты! Кричите...

МИГУЭЛЬ. А вы прежде скажите, что нам кричать!

ПОЧТАЛЬОН. Ну, ясно что... Долой Годоя!

МОЛИНО. И не только это... /Оглянувшись/ Годой - изменник, это верно. Но мы знаем, что дурной слуга бывает только у дурного господина.

ПАБЛО. Ого! На что вы намекаете,

господин аббат?

МОЛИНО. Я не намекаю... Я говорю открыто. Не быть Испании свободной, сильной, счастливой, пока нами правит король Карл.

ПАБЛО. Однако, такие речи...

ПОЧТАЛЬОН. Аббат прав, чорт подери!

КРЕСТЬЯНИН. Долой плохого короля!

ДРУГОЙ. Долой Карла!

КРИКИ. Долой Карла!

МОЛИНО. Пробудитесь, испанцы! Ты вспахиваешь поля, крестьянин и господь посылает тебе урожай... Но приходит старшина и забирает твою жатву для казны Годоя!

КРИКИ. Верно! Аббат хорошо говорит!

МОЛИНО. Купцы платят пошлины больше, чем выручают от своей торговли! Это сделал Годой! Он велел называть себя "князем мира", а в стране кипит война и грабеж! Он бесчестит королевский престол!

КРИКИ. Верно, молодец, аббат!

МОЛИНО. Но этого мало... Теперь он задумал прямую измену... Он хочет перенести столицу в Севилью... А знаете ли вы для чего? Чтобы отдать Мадрид Наполеону?

ПЕДРО. Что? Отдать Мадрид врагу?

МИГУЭЛЬ. Это, действительно, позор!

МОЛИНО. Да, друзья! Но это еще не все.

Он уговорил короли и королеву уехать в Америку.

ГОЛОСА. Как, бегство?

МОЛИНО. Да, они хотят бежать в Америку, чтобы Наполеон спокойно захватил Испанию. Они не хотят драться с чужеземцами, за независимость нашей родины.

ГОЛОСА. Позор! Безобразие! Вот так король!

МОЛИНО. Все, в чьих жилах течет настоящая испанская кровь, должны кричать: смерть Годою, долой Карла!

ОБЩИЙ КРИК. Смерть Годою!
- Долой Карла!

/Входит МЕРСЕДЕС, останавливается./

МОЛИНО. И да здравствует новый, юный, смелый, великодушный король - дон Фернандо!

ПЕДРО. Да здравствует король дон-Фернандо!

КРИКИ. Да здравствует дон-Фернандо!

ПЕДРО. Кричи и ты, Анна!

АННА. Я простая испанская женщина... что я смыслю в политике?

ПЕДРО. Все равно, кричи с нами.../Увидев дочь./И ты кричи, Мерседес...

МЕРСЕДЕС. Я подожду и послушаю.

/Сигуаль хочет подойти к Мерседес.

Но аббат удерживает его./

МОЛИНО. Я надеюсь, я убедил вас, дон-Мигуэль?

МИГУЭЛЬ. Мои товарищи в университете говорят то же самое...

МОЛИНО. Еще бы! Все честные испанцы говорят и думают так, как я... Мы избавимся от изменника Годоя и дрохлого Карла и развратной королевы! Наш юный король, дон-Фернандо поведет нашу армию против Наполеона. В общей борьбе за родину объединятся весь народ от гранда до самого бедного крестьянина!

МЕРСЕДЕС. Кстати, может быть, гранды объединят с нами и свои поместья?

МОЛИНО /оглядывая ее/. Я думаю, что теперь об этом не время думать, девушка...

МЕРСЕДЕС. Не думаю я, чтобы гранды и сеньоры объединились с народом...

МОЛИНО. У грандов и у крестьян — общий враг — иноземцы и Годой...

МЕРСЕДЕС. Я не умею так хорошо говорить, как господин аббат! Вот, если бы пришел мой брат, доктор Хуан, вы бы услышали ответ честного испанца, ибо во всей Кастилии не сыщешь человека умнее и честнее моего брата.

МОЛИНО. Что ж! Я буду рад познакомиться с ним. Я уже слышал кое-что о докторе Хуане! Я подожду его... Садитесь, друзья за стол! Дайте нам вина, хозяин! А плачу за

всех!

МИГУЭЛЬ /подходит к Мерседес/. Здравст-
вуй, Мерседес!

МЕРСЕДЕС. Здравствуйт, милый! Долго ждал
меня?

МИГУЭЛЬ. Когда любишь, час разлуки
кажется годом.

МЕРСЕДЕС. Долговязый ты мой! Знаешь, пасу
я иногда стадо, колокольчик на шее у коро-
вы звенит, а мне кажется, что колокольчик
поет: "Мигуэль! Мигуэль!" Или лежишь на
берегу речки, - вода светлая, светлая, -
глянешь в воду и там травы, словно твои
волосы... Так и хочется их погладить...

МИГУЭЛЬ. Неужели гладишь?

МЕРСЕДЕС. Нет. Уж очень вода холодная...
Сунешь руку, сразу отрезвеешь, а стадо все
разбежалось... Ни Мигуэля, ни коров.

МИГУЭЛЬ. Значит, любишь?

МЕРСЕДЕС. Люблю... А за что - не знаю.
Люблю тебя, мой журавль из Аранжуэца...

МИГУЭЛЬ. Ты с отцом не говорила?

МЕРСЕДЕС. Он и слышать не хочет... Не
пара, говорит, тебе этот дворянчик...

МИГУЭЛЬ. Как же будет?

МЕРСЕДЕС. Будет так, как мы хотим! Хуан
говорит, что любовь так же, как и нена-
висть, не знает преград.

МИГУЭЛЬ. Твой брат умный. Он умнее
любого нашего профессора.

МЕРСЕДЕС. Еще бы! Умнее Хуана, верно, на
целом свете никого нет. Надолго ты сюда?

МИГУЭЛЬ. До завтра. /Тихо./ Мерседес!
Когда отец закроет трактир, приходи на
полян... Я буду ждать тебя, как в прошлое
воскресенье... Ладно?

МЕРСЕДЕС. Если смогу - приду.

МИГУЭЛЬ. И когда уж все это кончится?
Когда, наконец, я увезу тебя отсюда?

МЕРСЕДЕС /вздыхнув/. Теперь не скоро,
Мигуэль...

МИГУЭЛЬ. Не скоро? Почему?

МЕРСЕДЕС. Время такое... неспокойное...
Кто знает, что с нами будет завтра. Может
быть, не о свадьбе придется думать.

МИГУЭЛЬ. Какая ты стала странная... О
чем же еще?

/Вбегает маленький АНТОНИО./

АНТОНИО /оборачиваясь на-бегу/. Не
догнал, не догнал... /Матери./ Папа не мог
меня догнать! Я бежал быстро, быстро.

ХУАН /вбегая/. Уж теперь тебе от меня
не уйти! /Увидев народ, останавливается./

ПЕДРО. Вот и Хуан! Где же ты пропадал?

ХУАН. Серьезная операция...

АННА. Опять резал?

ХУАН. Нет, пока только осматривал больного... /Подходит к аббату./ Аббат Молино? Добрый вечер!

МОЛИНО. Откуда вы знаете меня?

ХУАН. Я слышал вашу проповедь несколько дней назад. Вы смелый человек, аббат.
/Ммет руку священника./

МОЛИНО /к Мерседес/. Слышите, что говорит ваш брат?

АННА. Я принесу тебе поесть, Хуан.

ХУАН. Не нужно, я поел, и Антонио тоже.

МЕРСЕДЕС. Мы ждем тебя, Хуан... Здесь господин аббат призывает свергнуть короля.

ХУАН. Стало быть, дела у короля Карла плохи, если аббаты призывают к его свержению...

МОЛИНО. Священники говорят то, что подсказывает им глас божий.

ХУАН. Как врач, я лучше понимаю голоса земли... Однако, интересно знать, что говорят небеса?

МОЛИНО. Небеса говорят то, что думает земля.

ХУАН. Точнее.

МОЛИНО. Что нужно сбросить иго Годом и короля Карла, что нужно соединиться всем

испанцам и прогнать Наполеона...

МЕРСЕДЕС. Мне кажется, Хуан, что аббат...

ХУАН. Совершенно прав.

МОЛИНО. Вы слышите?

МЕРСЕДЕС. Не думала я, Хуан...

ГОЛОСА. Аббат прав!

- Верно! Верно!

- Он добрый испанец!

ХУАН. Итак, что же вы предлагаете, аббат Молино?

МОЛИНО. Надо заставить короля Карла отречься от престола в пользу дон-Фернандо. Не так ли, доктор Хуан?

ХУАН. Ну, конечно!

МОЛИНО. Друзья мои! В воскресенье мы начнем восстание в Арангуэце... Мы арестуем Годоя и потребуем у короля Карла отречения... И потом под нашим испанским знаменем мы пойдем в бой против Наполеоновских армий! Мне нужна ваша помощь, доктор Хуан! Ваш авторитет здесь огромен! За вами пойдут все крестьяне, ремесленники, купцы! Итак, мы выступим вместе...

ХУАН. Нет, аббат! Кто я? Маленький сельский врач. Мне нужно оставаться здесь. Вы - другое дело... Вы оратор и вождь.

МОЛИНО. Вы уклоняетесь?

ХУАН. Нисколько... Я боюсь, что у меня

нехватит сил на такое дело... К тому же я нужен здесь... мои больные. Но вам надо действовать, и мы поможем вам. Вот юный студент из Аранжуэца, дон-Мигуэль Нардо... Это честный юноша. Он сегодня же поедет в Аранжуэц...

МЕРСЕДЕС. Завтра утром!

МИГУЭЛЬ. Правда, лучше утром.

ХУАН. Ну, завтра утром. Вы присоедините к людям аббата наших студентов. Моя сестра Мерседес тоже поедет с вами, аббат!

МИГУЭЛЬ. Она смелая девушка и ненавидит короля.

МОЛИНО /Хуану/. Значит, вы остаетесь здесь? Но вы обещаете нам, по крайней мере, что душой вы с нами, с испанским народом?

ХУАН. О, да, аббат Молино! Я всей душой с испанским народом.

МОЛИНО. Я всецело верю вам, доктор Хуан!

ХУАН. Так же, как и я вам, аббат Молино!
/Р у к о ж а т и я./

МОЛИНО /обращаясь к народу/. Поидемте, друзья! У нас еще длинный путь впереди... Итак, дон-Мигуэль! Мерседес! Я жду вас завтра в Аранжуэце.

/МОЛИНО уходит, сопровождаемый народом./

ПАБЛО. Пора и мне... Послушав такие речи, я чувствую, что я уже не сельский

старшина.

ПЕДРО. Я провожу тебя, брат! /Уходит./

ХУАН. Анна! Пора уложить Антонио спать!

АНТОНИО. Я не хочу!

ХУАН. Не хотел зайчик умирать, да лиса его съела. /Поднимает сына, целует его и передает Анне, которая уводит Антонио./

МЕРСЕДЕС. Мигуэль! Отведи лошадь на поляну...

МИГУЭЛЬ. Конечно, конечно...сейчас!
/Быстро уходит./

МЕРСЕДЕС. Хуан! Я тебя не понимаю!

ХУАН. Ты была всюду, куда я тебя посылал?

МЕРСЕДЕС. Да, брат... все придут завтра туда, куда ты указал...И оружие принесут... оно собрано...

ХУАН. Спасибо, Мерседес! Молодец!..

МЕРСЕДЕС. Я ничего не понимаю...Как это ты соглашался с аббатом...Ты не можешь думать так, как он! Ты не можешь верить ему!

ХУАН. А я так и не думаю и аббату Молино не верю...Но никто не должен знать твоих карт, пока ты не убежден, что ты выиграл... А мы еще не смеем быть уверенными в нашей победе. Нас мало... Пока нам с аббатом по дороге и не надо пренебрегать услугами аббатов.

МЕРСЕДЕС. Я не умею говорить и делать наполовину.

ХУАН. Потому что ты отвечаешь только за себя, а я — за тех, кто мне верит...

МЕРСЕДЕС. Я умею ходить только по прямой дороге.

ХУАН. Иногда прямая дорога — самая длинная. Ступай!.. Пришли ко мне Анну.

/МЕРСЕДЕС идет./

да! Где ты условилась встретиться с Мигуэлем?

МЕРСЕДЕС /смущенно/. Я не улавливалась, Хуан...

ХУАН /укоризненно, качая головой/. Сестра!

МЕРСЕДЕС. В лесу. На поляне...

ХУАН. Он ничего не знает?

МЕРСЕДЕС. Ничего. Ты ему не веришь?

ХУАН. Он неплохой парень, и ты будешь с ним счастлива, Мерседес. Но говорить ему пока ничего не надо. Не пугай его и он пойдет за тобой. Пришли Анну!

/МЕРСЕДЕС ушла. ХУАН — у стола. В окне — МИГУЭЛЬ./

МИГУЭЛЬ. Простите, доктор... Вы не видели Мерседес?

ХУАН. Она в лесу, на поляне...

МИГУЭЛЬ. Ах! /Скрылся./

ХУАН. Если юноша в восемнадцать лет не влюблен, он не испанец... да и не юноша.

АННА. Ты знал меня, Хуан? /Входит./

ХУАН. Да, Анна! Антонио спит?

АННА. Заснул в одну минуту. Он очень устал. Ты много гулял с ним?

ХУАН. Умный у нас сын, Анна. Он много смеется.

АННА. Не пришлось бы ему потом много плакать.

ХУАН. Так пусть смеется, пока он ребенок. Молодость должна ликовать. Это ее право, ее обязанность! /Пауза./ Я завтра уйду с утра.

АННА. Ты каждый день уходишь на рассвете.

ХУАН /целует Анну/. Я уйду завтра надолго... очень надолго...

АННА. Что это значит?

ХУАН. Это значит...

АННА. Я боюсь, Хуан. Время тревожное. Здесь неспокойно. Французы идут. Они придут сюда. Я перестала понимать, что делается кругом. Ненависть растет.

ХУАН. Там, где растет ненависть, там созреют и цветы счастья. Но до этого будет много крови и жертв.

АННА. Я боюсь смерти и крови.

ХУАН. Слушай, Анна. Я завтра уйду на-
долго. И если я никогда не вернусь...

АННА. Ты идешь умереть?

ХУАН. Я иду победить! Но если я никогда
не вернусь, скажи Антонио, когда он под-
растет, что его отец был честный человек.

АННА. Не уходи, Хуан. Я боюсь... Мне
так хорошо было около тебя. Не уходи.

ХУАН. Может быть, ты долго ничего не
будешь слышать обо мне...

АННА. Как мне понять все это? Голова
болит от дум.

ХУАН. Если ты когда-нибудь услышишь
одно слово, то знай, что там, где сейчас
произнесли это слово, там твой муж.

АННА. Какое это слово?

ХУАН. Никогда не произноси этого слова,
если около тебя кто-нибудь есть. Кто скажет
неосторожно это слово, тот должен умереть.

АННА. Какое ж это слово?

ХУАН. Это слово, которое скоро станет
самым священным и радостным для таких
людей, как ты, как Педро, как я... самым
опасным для французов... самым несправедливым
для сенсоров...

АННА. Какое же это слово?

ХУАН. Это слово: Гверилья! /Целует и
быстро уходит./

АННА. Гве-риль-я! Страшное слово, которое отнимает у меня мужа! Что делать мне, простой испанской женщине, чтоб не забыть это слово? Гве-ри-лья!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Аранжуэц. Вечер. Кабинет Годоя. ГОДОЙ и СЕКРЕТАРЬ.

ГОДОЙ. Как дела с каютами?

СЕКРЕТАРЬ. Как вы приказали, ваша светлость! Ближайший корабль в Мексику отходит послезавтра, второго марта. Его величеству будет оставлено три каюты, вам ваша светлость, — одна.

ГОДОЙ. Надеюсь, что никто не знает, что эти каюты для короля Чарла, для королевы и для министра Годоя?

СЕКРЕТАРЬ. Никто, ваша светлость.

ГОДОЙ. Каюты все рядом?

СЕКРЕТАРЬ. Конечно.

ГОДОЙ. Вот что, Альварец! Вы уже давно служите у меня секретарем и привыкли понимать меня с полуслова. Я не стал бы воз-

ранать, если бы моя каюта оказалась по-
дальше от каюты ее величества.

СЕКРЕТАРЬ. Постараюсь понять.

ГОДОЙ. Пока королева на троне, то чело-
век, которого она любит, должен забыть,
что ее величеству уже за шестьдесят лет;
но когда королева едет из Испании в Мекси-
ку, где она до конца своих дней будет
просто смертной, о возрасте не следует
забывать. Драгоценности запакованы?

СЕКРЕТАРЬ. Все исполнено.

ГОДОЙ. Что слышно в городе?

СЕКРЕТАРЬ. Один доверенный сообщил мне,
что Кабалеро предался принцу Астурийскому.

ГОДОЙ. Пабло Кабалеро?.. Который...

СЕКРЕТАРЬ. Тот самый.

ГОДОЙ. Когда королевы не довольствуются
вниманием их преданных друзей, а дают ключи
от своей спальни первому встречному - всегда
бывает так. А как я был предан ее вели-
честву.

/За сценой гитара и женский голос.
Оба прислушиваются./

СЕКРЕТАРЬ. Это Кончита, ваша светлость?

ГОДОЙ. Нет! Это Фраскита! Да! Как я
был предан ее величеству... пока она была
помоложе!

СЕКРЕТАРЬ. В приемной идет Исквиердо!

ГОДОЙ. Позови его... и ступай... пере-

мне каюты! Ах, если б она всегда была молодой!

/СЕКРЕТАРЬ уходит, впуская Исквиердо/.

ИСКВИЕРДО! Вы один из немногих верных мне людей. Только на вас я могу возложить важное поручение.

ИСКВИЕРДО. Кажется, ваша светлость, я не один раз доказывал, что умею хорошо выполнять поручения, которые мне дает князь мира.

ГОДОЙ. Князь мира! Я уже вабыл, когда народ прозвал меня князем мира! О! Чернь быстро меняет своих любимцев. Имя Мануэля де-Годоя, герцога Алькудия, сегодня звучит для испанцев ненавистью.

ИСКВИЕРДО. Но не для дворца.

ГОДОЙ. Ненависть черни скорее находит свою жертву, чем любовь дворца. Мне нельзя надеяться только на короля Карла. Мне нужна более сильная рука.

ИСКВИЕРДО. Неужели ваша светлость говорит об инфанте Фернандо?

ГОДОЙ. О, нет! Я слишком верно служил его отцу, чтоб мальчишка любил меня. Есть обиды, которые забываются только после смерти обиженного или обидчика. Нет! Мне нельзя надеяться на принца Астурийского.

ИСКВИЕРДО. На кого же?

ГОДОЙ. Ты ничего не понимаешь в государственных делах. Я могу надеяться только на Наполеона.

ИСКВИЕРДО. Я не умею понимать, но я умею не удивляться.

ГОДОЙ. Скачи во Францию. Писем я тебе не дам. Написанное письмо это уже начало неудачи; перехваченное письмо ее — конец. Ты передашь императору французов, что Мануэль де-Годой не воюет с ним и просит вызвать его в Париж. Ты напомнишь императору, что двенадцать лет назад в Санли-дефонсо — Испания подписала союз с Францией моей рукой. Не напоминай императору, что король Карл — Бурбон. Император Франции не любит своих предшественников.

ИСКВИЕРДО. А Талейрану следует напомнить об этом?

ГОДОЙ. Обязательно. И скорее скачи обратно.

ИСКВИЕРДО. Где мне найти вас через десять дней?

ГОДОЙ. Как где? Здесь же, в моем дворце, в Аранжуэце.

ИСКВИЕРДО. Ходят слухи...

ГОДОЙ. Что мы бежим в Мексику. Ха-ха! Эти слухи распускает Фернандо, чтоб озлобить против нас народ. Да разве может король Карл уехать в такое время? И если бы мы уезжали, разве я посылал бы тебя к императору Наполеону. Именно с тобой я откровенен до конца.

ИСКВИЕРДО. Я так благодарен за это, ваша светлость.

ГОДОЙ. Что такое благодарность? Это

поэтическое выражение, лишенное всякого смысла в дни войн и революций. Когда ты вернешься обратно, тебя будет ждать иная награда.

СЕКРЕТАРЬ /входя/. Его величество, король Испании. /Ушел./

ГОДОЙ. Скажи, Исквиердо...
/ИСКВИЕРДО исчезает./

ГОДОЙ /идя навстречу и преклонив колени/. Какая честь, ваше величество видеть вас с супругой в моем доме.

КАРЛ /входя с королевой/. Встаньте, встаньте, Мануэль!

КОРОЛЕВА. Входя сюда, я слышала какой-то очаровательный женский голос, который пел под звуки мандолины!

ГОДОЙ /выдержав взгляд/. Кстати, о мандолине. Набло Кабалеро, пением которого вы не раз восторгались, перешел на сторону принца.

КАРЛ. Я уже привык к тому, что мои приближенные переходят в лагерь принца!

ГОДОЙ. Люди увлекаются! Но как только народ испанский узнает, что вы на дороге в Америку - он опомнится!

КАРЛ. А я еще не решил: как мне поступить. Уехать, или послать за помощью к Наполеону.

ГОДОЙ. Человек, который нашел на земле корону Франции и поднял ее кошом шпаги, не остановится перед тем, чтоб той же шпагой сбросить корону Испании с головы моего обожжаемого короля!

КАРЛ. Но Наполеон ненавидит моего сына... и вас, Годой.

ГОДОЙ. Он должен меня ненавидеть, потому что я люблю вас! Он поддерживает принца. Он заставил вас освободить принца, когда я требовал его ареста.

КОРОЛЕВА. И я!

ГОДОЙ. И вот принц, как отцеубийца, поднимает против вас чернь!

КАРЛ. Негодный! Он мог бы подождать пока я умру!

ГОДОЙ. Для спасения вашей жизни, для спасения жизни ее величества, которая для меня больше, чем королева, я требую или ареста принца, или отъезда в Мексику. Вы мне отказали в аресте, я заказал каюты. После завтра мы едем!

КОРОЛЕВА. Если ты щадишь этого изверга, это чудовище, которое мы с тобой породили, то пощади и мою жизнь! Едем!

КАРЛ. Я подумаю... Я привык к Испании. Я привык быть королем... Я могу только царствовать... Я был рожден для этого!

ГОДОЙ. Все ясно, ваше величество! Я стал плохим советником. Народ ненавидит меня и я должен отдать за вас свою жизнь! Пусть в моей крови народ утопит свой гнев! Пусть король Карл скажет над моей могилой: он плохо служил, но хорошо умер! /Встав на колени./ Мы не едем, ваше величество!

КОРОЛЕВА. Не говорите так, Мануэлы! Карл! Я говорю с тобой не как с королем, а как с

.. мужем! Неужели тебя не пугает судьба Людовика? Неужели ты хочешь, чтоб мой сын по приказу корсиканского бандита, севшего на наш бурбонский престол, обогрил белые лилии моей кровью? Мы едем, Карл! Я боюсь смерти! У нашего сына растут клыки! Я своими руками готова задушить это чудовище, чтоб оно не задушило меня!

КАРЛ. Да... да... я подумаю. Король не может решать сразу, короли любят подумать!

ГОДОЙ. Но народ не любит думать! Королевское решение мудро, а народное скоро...

/Снова мандолина./

КАРЛ. Как поет эта девушка!

КОРОЛЕВА /распахнув яростно потайную дверь/. Замолчи, уличная потаскушка!

КАРЛ. Какая ты наблюдательная! Я бы не подумал, что здесь потайная дверь!

КОРОЛЕВА /заперла дверь и выбросила в окно ключ/. Нам не будут больше мешать! Мы потому и приехали сюда, что во дворце нас может подслушать Фернандо, а здесь...

/Дверь распахнулась. Входит ФЕРНАНДО./

ГОДОЙ. Принц Астурийский?

КАРЛ. Фернандо! Мой сын!

КОРОЛЕВА. Принц! Кто дал вам право врывать без доклада?

ФЕРНАНДО. Испанские дела!

КОРОЛЕВА. Наглец!

ФЕРНАНДО. Аранжуэц, как пороховой погреб! Народ шумит!

КОРОЛЕВА. Вы сами с народом! Вы бунтовщи!

ФЕРНАНДО. Мать! Не кричите на меня! Я к этому привык! С детства не слыхал от вас ласкового слова!

ГОДОЙ. Какая клевета!

ФЕРНАНДО. Молчите вы, несчастье нашей семьи! Мать! Вы называли меня бунтовщиком! Если спасающий корону Испании бунтовщик, то я бунтовщик! Ваша корона не держится на вашей старой голове, как ни поддерживает ее Годой, заодно выламывая из короны бриллианты и пряча их в карманы...

ГОДОЙ. Ваше величество! Меня оскорбляют!

КАРЛ. Фернандо не совсем прав!

ФЕРНАНДО. Корона с головы Бурбонов катится под солдатский сапог Бонапарта. Армия негодует, видя, как шадят ее кровь и не шадят ее честь! Народу нужна энергия короля, а что он видит на троне?

КОРОЛЕВА. Твоего отца!

ФЕРНАНДО. Человек, отдающий родину в руки иноземцев, недостойн быть моим отцом!

ГОДОЙ. Я не могу этого слушать!

КАРЛ. Как я его распустил!

КОРОЛЕВА. Ты не наш сын! Кто ты такой?

ФЕРНАНДО. Кто я такой? Сегодня я еще принц Астурийский, но завтра я могу стать королем Фернандо VII!

КАРЛ. Не торопись! Еще жив Карл IV. И он спрашивает тебя: зачем ты явился?

ФЕРНАНДО. Чтоб узнать: правда ли, что в эту трудную минуту вы покидаете Испанию и уезжаете в Мексикку. Принц спрашивает короля.

КАРЛ. Но король не отвечает никому, даже принцам.

КОРОЛЕВА. Эти сплетни распускает твой друг Кабалеро!

ФЕРНАНДО. Еще недавно он был слишком близким другом моей матери!

КОРОЛЕВА. Карл! Он меня оскорбляет!

ГОДОЙ /тихо/. Как надо быть осторожной, Луиза...

КОРОЛЕВА /тихо/. В выборе мандолин!

ФЕРНАНДО. Есть люди, которые не умеют носить славу, данную им с колыбели. Ваши лилии перестали быть белыми, отец мой!

КАРЛ. Сын мой! Ты заботишься не о чистоте моих лилий! Тебе просто хочется, чтоб эти лилии скорее расцвели над твоим балдахинном! Но не торопись! Трон - это шаткая мебель!

ФЕРНАНДО. Когда на нем сидят старики! Но, если на троне молодой, то горе тому, кто попытается его расшатывать! Молодость не знает пощады!

КАРЛ. Напрасно я тебя не арестовал, как этого требовал Годой!

ФЕРНАНДО. Запишите это в счет ваших забот обо мне, князь мира! Отец! Вы мне не дали ответа об отъезде! Я не ручаюсь за вашу жизнь! У меня нет забот об отце, а есть только заботы об Испании.

КАРЛ. Молокосос! Ты забиваешься!

ФЕРНАНДО. Старик! Твои угрозы не пугают меня!

/За сеной шум. В окно влетел камень.
Я не слышал вашего ответа. /Поднял камень./
А это ответ народа... и мой! /Ушел./

/Крики растут./

КОРОЛЕВА. Что это за шум?

ГОДОЙ. Это значит, что мы не уедем послезавтра в Мексику. Фернандо привел своих бунтовщиков!

КАРЛ. Арестовать его!

ГОДОЙ. Поздно! Теперь только он может арестовать нас!

КОРОЛЕВА. Годой! Вы погубили нас. /Плачет./

КАРЛ. Сумасшедшая женщина! Перестаньте! Если вы не умеете в такие минуты не плакать, умеете, по крайней мере, молчать!

ГОДОЙ /в дверь/. Стража! /Пауза./ Где караульный офицер?

СЕКРЕТАРЬ /вбегая/. Спасайтесь! Караул

как ушел вместе с принцем! Народ уже во дворе!
Спасайтесь! /Убегает./

за- /Вбегает каноник./
е

КАНОНИК. Ваше величество! Сюда! Здесь
есть подземный ход!

ГОДОЙ. Идемте! Я вас проведу!

ют КАНОНИК /отстраняя/. Мы и без вас прой-
ени дем! Ваша близость навлечет на короля
./ гнев толпы. Не ходите с нами!

КАРЛ. Да, да! Мы одни пойдем!

КОРОЛЕВА. Скорей!

/Спешат./

ГОДОЙ. А я? А как же я?

КАНОНИК. Как бог позволит, ваша свет-
лость! Назад! /Показав пистолет, ушел за
Карлом и королевой./

ГОДОЙ. Один... один... Все пропало...
Как они кричат: долой Годоя! /К потайной
двери./ Отвори, Фраскитта! А, чорт...
старуха заперла дверь! Сейчас придут...
убьют... Куда? /Дожится на ковер и зака-
тывается в него./

! /Врывается народ. Среди них - офи-
цер, Мигуэль, Мерседес./

МИГУЭЛЬ. Студенты! Ищите в комнате
налево!

МЕРСЕДЕС. Крестьяне! Ищите в комнате
направо!

ГОЛОСА. Он здесь... Мы караулили, он не мог убежать!

ОФИЦЕР. Если мы его не найдем, мы подожжем дворец и пусть этот Годой сгорит, как мышь в амбаре. /Мигуэлю./ Вы, студенты, встаньте у двери, а вы /Мерседес/ - вот тут! С места не сходить! Чуть что, зовите меня! /Увел всех./

МЕРСЕДЕС. Ну вот, Журавль, мы с тобой и во дворце!

МИГУЭЛЬ. Да! Работы было не мало! Три дня мы с тобой рядом, я не успел ни разу поцеловать тебя. /Хочет подойти./

МЕРСЕДЕС. Куда? Часовой, стой там, где тебя поставили!

МИГУЭЛЬ. А хотелось бы мне хоть одним глазком поглядеть на этого самого Фернандо, которого аббат Молино прочит в короли! Кстати, куда девался аббат?

МЕРСЕДЕС. Он двинулся к королю Карлу.

МИГУЭЛЬ. А знаешь, Мерседес, оказывается, что свергать королей не трудно.

МЕРСЕДЕС. Они сами делают так, что дело идет к концу.

МИГУЭЛЬ. А вот ты ничего не делаешь!

МЕРСЕДЕС. Это ты о чем, Журавль?

МИГУЭЛЬ. Господи, да все о том же! Третий день прошу поцеловать меня! Сердца у тебя нет!

МЕРСЕДЕС. Сердце-то есть, а вот времени нет.

МИГУЭЛЬ. Если любишь, так и время найдется! Они не скоро вернутся... Ну, позволь тебя поцеловать. Я поцелую и назад отбегу. Можно?

МЕРСЕДЕС. Нет, нельзя!

МИГУЭЛЬ. Да кто ты, невеста или командир? Я и без разрешения подойду!

МЕРСЕДЕС. Часовой! Парбо! На место!

МИГУЭЛЬ. Довольно, довольно кричать!
/Идет./

МЕРСЕДЕС. Гражданин офицер!

МИГУЭЛЬ. Какой голос! /Отошел./ А когда же будет можно?

МЕРСЕДЕС. Вот когда найдем этого Годоя.

МИГУЭЛЬ. Хотя бы скорее эта скотина нашлась. /Пауза./ А тут красиво, Мерседес. Это не то, что у твоего отца в трактире. Какая лепка на потолке. Это, кажется, святая Мария? А?

/МЕРСЕДЕС всматривается./

МЕРСЕДЕС. Я что-то не разберу.

/МИГУЭЛЬ в это время подкрадывается, обнимает ее. МЕРСЕДЕС толкнула.
МИГУЭЛЬ, задев за ковер, падает./

МИГУЭЛЬ. Чортов ковер! /Ударяет по нему кулаком./

ГОДОЙ. Ах!

МИГУЭЛЬ. Мерседес! Тут кто-то есть! Кто там? Вылезай! А то сквозь ковер застрелю!

ГОДОЙ /вылезая/. Не надо стрелять! Воды! Я пить хочу.

МЕРСЕДЕС. Кто вы такой?

ГОДОЙ. Я секретарь министра Годоя - Альварец.

МЕРСЕДЕС. Отчего вы не убежали с Годоем?

ГОДОЙ. От испуга. Годой услышал крики, бросился вот в эту потайную дверь и захлопнул ее. Отпустите меня.

МИГУЭЛЬ. А что, если мы его отпустим? Должно быть, у этого чорта Годоя не больно мирно кормили секретарей... Смотри, какой он тощий! Отпустим? А?

МЕРСЕДЕС. А вы не врите, что вы секретарь?

ГОДОЙ. Клянусь именем моей матери! Клянусь памятью моего отца!

МЕРСЕДЕС. Верно, Журавль: вид у него неважный!

МИГУЭЛЬ. Небось, это не Годой! /Хлопая Годоя по плечу./ Хочешь, я тебя министром сделаю?

ГОДОЙ. Отпусти меня, красавица, и дай бог тебе счастья с твоим женихом!

МИГУЭЛЬ. Спасибо!

ГОДОЙ. Я могу идти?

МЕРСЕДЕС. А, может, все-таки лучше офицера позвать?

ГОДОЙ. Не надо! Не зови! Я тебе денег дам! Много денег!

МИГУЭЛЬ. Но, но, мокрица! Моей невесте деньги не нужны! Если человек дает деньги, значит, дело не чисто.

МЕРСЕДЕС /у двери/. Гражданин офицер! Эй! Ты чего радуешься, Муравль?

МИГУЭЛЬ. Ну, раз мы секретаря поймали, скоро и самого Годоя сцапаем, и тогда я тебя поцелую!

/Входит ОФИЦЕР и ТОЛПА./

ОФИЦЕР. В чем дело?

МЕРСЕДЕС. Мы нашли в ковре вот этого человека.

ОФИЦЕР. Этого? Да это... бывший министр Годой! Вы арестованы!

КРИКИ. Это и есть Годой?

- Годой?

- Годой?

- Бей его!

/ТОЛПА напирает./

ОФИЦЕР. Не надо бить.

/Входит МОЛИНО./

МОЛИНО. В чем дело? Где Годой?

КРИКИ. Вот он!
- Бей его!

МОЛИНО. Граждане Испании. Вот человек, который предал и погубил Испанию! Вот злодьявол нашей страны. Я отдам вам этого человека. Убейте его!
/Свалка./

ФЕРНАНДО /вбегая/. Стойте!

ГОЛОСА. А это еще кто?

ФЕРНАНДО. Подарите мне жизнь этого человека.

ГОЛОСА. Кто это такой?

МОЛИНО. Это /вынув бумагу/ король испанский Фернандо VII.

ФЕРНАНДО. Я - король Испании и обеих Индии, дарую тебе жизнь, Годой!

МЕРСЕДЕС. Как же он король? А Карл?

МОЛИНО. Вот бумага об отречении Карла в пользу Фернандо! Ура!

КРИКИ. Ура!

МОЛИНО. Да здравствует король Фернандо! Ура!

КРИКИ. Ура!

МЕРСЕДЕС. Муравль, он тебе нравится?

ЛИГУЭЛЬ. Прыщик!

МОЛИНО. Но, но! Это вам не деревенский трактир!

ФЕРНАНДО. Ты доволен, Годой? Видишь, я не помню зла!

ГОДОЙ. Если вы разрешите /целует его руку/, я буду служить вам так же честно, как служил много лет вашему отцу.

ФЕРНАНДО. Испанцы! Этот человек причинил мне много зла, но я не хочу, чтобы в этот день лилась кровь! Подарите мне жизнь этого человека!

МОЛИНО. Благородный, великодушный король! Ура!

КРИКИ. Ура!

ФЕРНАНДО. Стража! Свести его в тюрьму! За его жизнь отвечаете вы!

/ГОДОЙ уводит./

Испанцы! Я вам обещаю, что я не успокоюсь, пока хоть один солдат Наполеона останется в Испании. Так сказал Бурбон, а Бурбоны никогда не изменяли своему слову.

САВАРИ /входя/. Кто здесь принц Астурский?

ФЕРНАНДО. Не принц, а король Фернандо! Это я!

САВАРИ /подчеркивая/. Ваше высочество! Его величество, император Франции, король Италии, медиатор Швейцарии, протектор Вюртемберга и Баварии - Наполеон требует, чтобы вы немедленно прибыли в Байонну, куда одновременно отправится и король Карл. Мне, генералу Савари, приказано проводить вас до Байонны.

/Паўза./

ФЕРНАНДО. Наполеон просит меня прибыть в Байонну?

САВАРИ. Император требует вашего приезда!

ФЕРНАНДО /беспомощно/. Поедёмте, генерал Савари! Но зачем император вызвал и моего Отца? Старик отрёкся от престола. Король-я.

САВАРИ. Император Франции назовет имя короля Испании!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Рабочий кабинет Бонапарта в Байонне. За столиками пять секретарей. У дверей гренадеры.

СЕКРЕТАРЬ /второму/. Дай-ка мне ножик, Поль, чтоб очинить перо. Когда император диктует, так не успеваешь очинить!

ВТОРОЙ. На! Он диктует нам пятерым, а мы не успеваем пятеро за ним одним!

ПЕРВЫЙ. Он что-то опаздывает сегодня.

ВТОРОЙ. Вчера приехала императрица. А когда приезжает Жозефина, его величество всегда бывает не в духе!

ПЕРВЫЙ. Потому что она привозит ему грудю счетов портных и ювелиров!

ВТОРОЙ. Тсс! Идет господин Ремюза!

РЕМЮЗА /входя/. Вы готовы? Его величество!

/Входит НАПОЛЕОН./

НАПОЛЕОН /первому/. До меня дошли слухи, что введенные мною рабочие книжки, без которых ни один хозяин не имеет права принять на работу рабочего, не всегда заполняются предыдущим хозяином. За это штрафовать и фабрикантов и рабочих... /Второму./ Министру полиции Руше. В просьбе писательницы мадам де-Сталь, пересланной мне сюда, отказать, памятуя, что эта особа учит думать тех людей, которые разучились или должны были разучиться думать! /Третьему./ Директору парижского театра. За блестяще сыгранную в день моего отъезда из Парижа роль Магомета наградить актера Тальма золотыми часами с моим портретом... /Четвертому./ Нашему послу в Вене. Выясните у министра иностранных дел, как посмотрит император Франц, если мы сделаем предложение его дочери, эрцгерцогине Марии-Луизе. /Пятому./ Нашему послу в Петербурге. Немедленно запросите императора Александра, которую из двух своих сестер - Екатерину или Анну, он согласен выдать за меня замуж.

РЕМЮЗА /вошедшему Талейрану/. Доброе утро, князь Талейран!

ТАЛЕЙРАН. Доброе утро, господин Ремюза!

за! Работает?

РЕМЮЗА. Как всегда!

ТАЛЕЙРАН. Он может диктовать письма и
сражаться целые сутки подряд!

НАПОЛЕОН /дергая гренадера за ухо/. И
вы здесь, Талейран?

ТАЛЕЙРАН. Ах, ваше величество! Если от
делить ваши дела от ваших писем, то можно
было бы подумать, что читаешь переписку
клерка, который больше всего занят устрой-
ством мира всего мира. Пять писем и все
мирное!

НАПОЛЕОН. А приказ Мюрату?

РЕМЮЗА. Простите, ваше величество! Вы
его не диктовали!

НАПОЛЕОН. Как не диктовал? Кто пишет
приказ маршалу Мюрату? Никто?! Всегда так
Все перепутают! Ремюза, у вас отвра-
тительный почерк, но все равно. Пишите.
"Маршалу Мюрату. Мадрид должен быть за-
нят не позже 23-го марта. Ваши солдаты
должны быть достойны вас". Ступайте. Пере-
пишите. Ремюза, принесете на подпись.

/Все, кроме гренадер Наполеона и
Талейрана, уходят./

ТАЛЕЙРАН. Простите, ваше величество!
Может быть, меня, как министра иностран-
ных дел, это и не касается, но мне хоте-
лось бы знать, что вы думаете делать с
Испанией?

НАПОЛЕОН. То, что я уже делаю. Завое-
вать!

ТАЛЕЙРАН. Я боюсь, что Мираб идет к Мадриду быстрее, чем ваша мысль!

И НАПОЛЕОН. Вы хромец, Талейран, и потому боитесь быстроты. На войне быстрота — это сестра победы!

И ТАЛЕЙРАН. Но я привык, ваше величество, думать головой, а не ногами. Мне неясно, чего вы хотите: переменить в этой стране династию, или, сохранив династию, присоединить к Франции северные провинции до Обра?

от-жно у рои-е НАПОЛЕОН. Я знаю: вы против войны! Вы вообще устали от моих побед. Вы боитесь за последних Бурбонов. В душе вы их любите!

ТАЛЕЙРАН. Вы меня подозреваете?

ЗЫ НАПОЛЕОН. Я весь мир подозреваю, а вас /треплет его по щеке/, как изменника, мне следовало бы просто повесить!

Г так. ТАЛЕЙРАН. Я не разделяю этого мнения вашего величества. Вы выращиваете плоды победы, а я должен ими кормить Францию и историю. Европа смотрит на вас! Ей кажется, что наступило время, когда в императоре французов следует видеть не революционера, опрокидывающего троны, а императора, создающего в Европе порядок.

НАПОЛЕОН. Ну, вот! И вы тоже! Вы верите в бога?

ТАЛЕЙРАН. Я был епископом, ваше величество!

НАПОЛЕОН. Знаю; потому что из-за хромоты вы не могли стать маршалом! Я вас не спрашивал: каким способом вы зарабатываете деньги. Я спрашивал, верите ли вы в бога?

ТАЛЕЙРАН. Меньше, чем в моего императора.

НАПОЛЕОН. Так вот, клянусь богом, в которого вы верите, и к которому я равнодушен, что все мои войны, войны оборонительные. Если бы не нападал я, то нападали бы на меня. Испания - друг Англии. Если я ее не раздавлю, то в испанских апельсинах мне подадут лондонский ад! Я заявил, что я раздавлю эту страну.

ТАЛЕЙРАН. А теперь вы заявите, что вы ошиблись...

НАПОЛЕОН. Талейран!

ТАЛЕЙРАН ... что вы император волею народов!.. Что вы начали войну, чтобы освободить народ от ненавистного министра, поощряемого слабостью короля... Вы убедились, что испанцы знают недостатки своего короля, но преданы династии...

НАПОЛЕОН. Опять о Бурбонах!

ТАЛЕЙРАН. Не я их придумал, но смею указать, что если бы не было слабых Бурбонов, то не было бы и могущественного Наполеона.

НАПОЛЕОН. Наполеоновские орлы летали над пустыней Египта. Они пролетят и над горами Испании.

ТАЛЕЙРАН. Испания религиозна. Я боюсь стран, где слишком любят священников.

НАПОЛЕОН. Попы все-таки лучше, чем шарлатаны, вроде Калиостро или Канта! Пусть народ верит, но не занимается философией. Довольно, Талейран. Довольно об Испании.

ТАЛЕЙРАН. Надо решить, кто там будет королем.

НАПОЛЕОН. Но об таких пустяках я еще успею подумать. У меня есть дела поважнее. Что вы думаете о моем разводе с Жозефиной?

ТАЛЕЙРАН. Развод необходим. Императрица бесплодна, а Франции нужен наследник, потому что о наследниках не думают только во время революций!

НАПОЛЕОН. Фуше тоже полагает, что с Франции хватит Жозефины.

ТАЛЕЙРАН. Мне очень жаль, ваше величество, что мое мнение совпало с мнением этого якобинца! Но развод с бесплодной императрицей необходим. Кроме того, менясь на дочери франца австрийского, вы заключаете выгодный союз с могущественной страной. Вам надо жениться на Марии-Луизе.

НАПОЛЕОН. А не на сестре Александра русского?

ТАЛЕЙРАН. Ваше величество! Австрия нам нужней!

НАПОЛЕОН. Да! Но... /понижив голос/ как отделаться от Жозефины? Я боюсь женских слез! Мне легче разбить армию противников, чем выдержать слезы Жозефины.

ТАЛЕЙРАН. Вы ее еще любите!

НАПОЛЕОН. Я никого не любил и не люблю... Но к ней я привязан. И потому, она так часто плачет... Не пускайте ее ко мне, Талейран!

ТАЛЕЙРАН. Может быть, пустить ее кредиторов?

НАПОЛЕОН. Чорт бы побрал ее кредиторов! Она разорвет меня. Платить за ласки женщины, которой в мое отсутствие столько народу ничего не платило! Это оскорбительно для императора французов.

/Стук./

Ой, это она! Я уйду. Пусть мне принесут на подпись бумаги в беседку.

ТАЛЕЙРАН /у двери/. Это не ее величество! Это только ее фрайлен - госпожа Ремюза.

НАПОЛЕОН. Ремюза? Гм... Ремюза! Тогда ступайте вы, Талейран! И заготовьте брачный договор... Конечно, без имени невесты.

ТАЛЕЙРАН. Что в нем должно быть написано?

НАПОЛЕОН. А откуда я знаю? есть же какие-то форма. Знаете что? Не стоит трудиться над формой... Возьмите из архива брачный договор Людовика с Марией-Антуанетт.

ТАЛЕЙРАН. Вы, ваше величество, гениальны в своей неожиданности и неожиданны в своей гениальности! И как только я сам не подумал об этом договоре, тем более, что австрийская эрцгерцогиня Мария-Антуанетт приходилась родной теткой Марии-Луизе... Имею честь кланяться!.. Подумайте о короле Испании. /Ушел./

КЛАРА РЕМЮЗА /входя/. Доброе утро, ваше величество. Ее величество послала меня испросить у вас аудиенции для ее величества.

НАПОЛЕОН. Ну, вот! Так и знал! И зачем

я отпустил Талеярана, когда у меня с ним столько дел! О короле Испании...

КЛАРА. Ее величество не спала всю ночь.

НАПОЛЕОН. Плакала?

КЛАРА. Я не могу дать ответа на этот вопрос.

НАПОЛЕОН. Она всегда плачет, когда слышит о разводе. Когда я ухожу от нее, она плачет, как король прусский, когда я иду на него! Клара... У нас тоже грустные глаза?

КЛАРА. Увы! С тех пор, как при дворе стали каждую неделю давать балы, нам с мужем нехватает тех жалких восемнадцати тысяч франков, которые мы получаем.

НАПОЛЕОН. Восемнадцать тысяч! Восемнадцать тысяч! Им нехватает! Когда я был в Париже и учился в военной школе, я не имел и ста восьмидесяти франков в месяц!

КЛАРА. Но это было в Париже Бурбонов, а не в Париже императора Наполеона.

НАПОЛЕОН. Ну, да! Это вы правы.

КЛАРА. Бальные туалеты стоят так дорого.

НАПОЛЕОН. Но ваш муж не только мой секретарь! Он заведует и конюшней двора. Я не возражаю, чтоб два-три стоила оказались пустыми.

КЛАРА. Ах, ваше величество! Там уже много пустых стоил!

НАПОЛЕОН. Ну, вот! А мне говорят, что

и расточителен! Слушайте, Клара... Мы с вами давно не видались!

КЛАРА. Целую неделю, ваше величество.

НАПОЛЕОН /взяв за подбородок/. И таких дур - половина земного шара. Мы давно не видались!

КЛАРА. Уже год, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Вечером в беседке.

КЛАРА. При солдатах, ваше величество?!

НАПОЛЕОН. У меня нет тайн от моих гренадеров. И скажите мужу, чтоб он не продавал больше лошадей!

КЛАРА. Как горько, что я не могу вкушать сладостей любви, не думая о деньгах.

НАПОЛЕОН. Ну, уж это - выше моего понимания. Можете идти!

КЛАРА. А как с аудиенцией?

НАПОЛЕОН. Ах, эта аудиенция! Скажите Жозефине, что я приму ее через десять минут. А вот и ваш муж, госпожа Ремюза.

РЕМУЗА /входя/. Ваше величество! Бумаги готовы! /Подает./ Из Аранжуэца прибыл генерал Савари!

НАПОЛЕОН /подписывая/. Пусть войдет.

РЕМУЗА /жене/. Я приготовил деньги за платье. Пусть портной зайдет вечером.

КЛАРА. Милый Ремюза! На этот раз мне

денег не нужно!

РЕМОЗА /поглядев на жену и кивнув на занятого Наполеона/. Опять?

КЛАРА. Странные претензии. Я уже одиннадцать месяцев заставляла оплачивать мои счета только тебя!

НАПОЛЕОН. Позовите Савари!

/РЕМОЗА и КЛАРА уходят в разные стороны./

САВАРИ./входя/. Ваше величество!

НАПОЛЕОН. Привез?

САВАРИ. Обоих.

НАПОЛЕОН. Карла и его старуху?

САВАРИ. Карл отказался в пользу принца Астурийского. Я счел за благо привезти обоих!

НАПОЛЕОН. Молодец Савари! Что в Аранжуэце?

САВАРИ. Годой в тюрьме. Народ волнуется.

НАПОЛЕОН. Безобразие. Всюду беспорядки. Подавить революцию. Гонца к Мюрату: подавить восстание! Они приехали добровольно?

САВАРИ. Они ехали в разных экипажах и оба так гнали своих ямщиков, что я еле поспевал за ними.

НАПОЛЕОН /смеясь/. Бурбоны спешат за помощью к Наполеону? Забавная штука мир.

Савари! Артиллерийский поручик Бонапарт судит Бурбонов!

САВАРИ. Их судит Франция, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Ты генерал и, как всякий генерал, — дурак. Вы ничего не понимаете в политике. Почему их не судил Людовик Бурбон? Ступай! /Разбив стакан./ Гренадеры! Встать за дверью.

/САВАРИ и СОЛДАТЫ уходят./

НАПОЛЕОН. Если бы не эта проклятая Англия с ее блокадой... Я был бы императором мира! Кто может противиться мне?

/С т у к./
Ой! Войдите, Жозефина!

ЖОЗЕФИНА /входя/. До меня снова дошли слухи о вашем желании развода!

НАПОЛЕОН. Что делать! Что делать! Ты бездетна!

ЖОЗЕФИНА. Может быть, не я виновата в этом?

НАПОЛЕОН. Ну и не я же! Ты потому так легко изменяла мне, что знала, что ты бездетна.

ЖОЗЕФИНА. Вероятно, поэтому же и вы так легко изменяли мне.

НАПОЛЕОН. Оставим семейные сцены... Развод необходим... Этого хочет народ!

ЖОЗЕФИНА. Не народ, а ваш Душе! Он мне прислал сегодня письмо, уговаривая дать развод! Может быть, по вашему приказу?

НАПОЛЕОН. Фуше дурак! Частное слово, я ему ничего не приказывал. Ремюза!

/РЕМЮЗА входит./

Письмо Фуше! Как он смеет вмешиваться в мои дела! Выговор! /Тихо, выходящему Ремюза./ Награду пятьдесят тысяч. /Громко./ Через полчаса приказ на подпись! Хотел бы я видеть его лицо, когда он получит приказ... Жозефина! Ты должна принести эту жертву.

ЖОЗЕФИНА. Я ваша жена и коронована вами в присутствии папы римского. С такими почестями добровольно не расстанусь.

НАПОЛЕОН. Ты говоришь так, как будто ты никогда не была Жозефиной Богарне, а родилась императрицей.

ЖОЗЕФИНА. Я ввучилась этому тону у вас, ваше величество. Вы тоже, кажется, не родились императором. Вы гоните меня, я уйду и в слезах буду искать сочувствия у Европеев.

НАПОЛЕОН. Довольно Европы! Довольно слез! Ты должна первая потребовать развода

ЖОЗЕФИНА. Никогда! Я буду говорить с вами не как с императором, а как с человеком.

НАПОЛЕОН. Когда человек становится императором, он перестает быть человеком.

ЖОЗЕФИНА /яростно/. Тогда знай: я не согласна на развод!

НАПОЛЕОН /яростно/. Не забудь, что у меня южная кровь!

ЖОЗЕФИНА. У меня тоже, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Без титулов! Я приказываю,

чтобы ты требовала развода.

МОЗЕФИНА. Я не уйду из дворца! Кто будет оплачивать мои счета, если мы разведемся?

НАПОЛЕОН. Как кто? Франция!

МОЗЕФИНА. Ну, знаешь ли, дорогой мой, Франция неохотно оплачивает счета императрицы Мозефины и у Франции никогда не будет денег оплатить счета вдовы Богарне.

НАПОЛЕОН. Счета! Всегда счета! У тебя кредиторов больше, чем у меня гвардейцев. Мои солдаты умирают в походах, а твои кредиторы всегда живы. Каждый твой туалет стоит дороже, чем обмундирование двух моих дивизий! Довольно! Довольно! Мы разведемся!

САВАРИ /высунувшись/. Короли Испании ждут приема вашего величества.

НАПОЛЕОН /яростно/. Когда император Франции разговаривает с женой, короли Испании могут подождать.

/САВАРИ исчез./

МОЗЕФИНА. Развода ты не дождешься! Собирай своих гвардейцев! Выгони меня из дворца! Пошли в тюрьму! На Гвиней! Пусть вся Франция видит, как страдает бедная Мозефина! /Вскликивает./

НАПОЛЕОН. Слезы! Я не выношу, когда женщины плачут.

МОЗЕФИНА. И потому заставляете меня плакать каждый день.

НАПОЛЕОН. Не кричи, как торговка на базаре!

МОЗЕФИНА. Корсиканский нищий!

НАПОЛЕОН. Паршивая креолка!

МОЗЕФИНА. Он попрекает меня моим происхождением! Ах, зачем я только родилась на Мартинике! Зачем я не умерла там! /Падает в обморок./

НАПОЛЕОН. Ну, вот!... Жозефина... Встань, короли Испании могут войти... Ну, встань... Ты же еще императрица... Жозефина... /У дверей./ Гренадеры!

/ГРЕНАДЕРЫ входят./
Императрица плохо! Отнесите ее в спальню!
/ГРЕНАДЕРЫ несут Жозефину./
Да не в ту дверь! Там короли Испании.
/ГРЕНАДЕРЫ уносят Жозефину./
Ей станет лучше!

/Вошел РЕМОЗА./
Скажите, ваша супруга часто хворает?

РЕМОЗА. Редко, ваше величество! И обмороков у нее не бывает.

НАПОЛЕОН. Вы даже не подозреваете, какой вы счастливец! Позовите Талеярана и королей!

РЕМОЗА. Смеем доложить, что прибыл ваш брат, принц Жозеф!

НАПОЛЕОН. Он всегда не во время! Пусть подождет!

РЕМОЗА /у дверей/. Император просит вас. /Уходит./

/Входят ТАЛЕЙРАН, КАРЛ, ФЕРНАНДО./

НАПОЛЕОН /сидящий/. Я рад, что вы приехали.

КАРЛ. Благодарю, ваше величество.

ФЕРНАНДО. Благодарю, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Ну? Что там у вас случилось? Беспорядки?

КАРЛ. О, благородный союзник Испании! Несчастье постигло мои седины. Народ воостал.

НАПОЛЕОН. Не надо держать плохих министров... Не так ли, Талейран?

ТАЛЕЙРАН. Я видел только ваших министров, ваше величество, а потому не имею возможности судить о плохих министрах.

НАПОЛЕОН. Ну, ну! Продолжайте, король Карл...

ФЕРНАНДО. Он уже не король. Он отрекся.

НАПОЛЕОН. Когда говорят взрослые, мальчишки молчат. Говорите, король Карл!

КАРЛ. Мое отречение! Но чего не подпишешь, когда в залах дворца бушует чернь, когда аббат Молино с крестом и пистолетом подает манифест об отречении...

НАПОЛЕОН. Аббат Молино? Талейран! Вы знаете это имя?

ТАЛЕЙРАН. С ним никогда не поздно познакомиться!

КАРЛ. Я не признаю этого отречения.

НАПОЛЕОН. Я тоже.

ФЕРНАНДО. Но, ваше величество...

НАПОЛЕОН. Принцу не терпится... Пусть он говорит... Истати, Годой арестован?

ФЕРНАНДО. Он был бы растерзан, если бы я его не спас!

НАПОЛЕОН. Зачем?

ФЕРНАНДО. Я хотел узнать у него про все тайные переговоры моего отца с Англией. Мне нужен был живой Годой. У мертвого трудно узнавать тайны.

НАПОЛЕОН. Талейран! Принц расчетлив. Не правда ли?

ТАЛЕЙРАН. Я боюсь хвалить Бурбонов, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Но поднять чернь - это опасная затея.

ФЕРНАНДО. Чернь поднял аббат Молино, мой слуга, и этот народ в моих руках.

ТАЛЕЙРАН. Вzbаламутить воду легче, чем очистить ее от муты.

ФЕРНАНДО. Испанский народ - это дикари. Я их быстро верну в их деревни. Признайте отречение моего отца, ваше величество, и Испания будет вашей союзницей.

НАПОЛЕОН. Когда войска моего маршала входят в столицу, речь может идти не о союзнице, а о провинции.

ФЕРНАНДО. Я оговорился, ваше величество

НАПОЛЕОН. Оговорка дипломата - это проигранная битва полководца.

КАРЛ. Разрешите мне... Я стар и мне жить недолго. Я не стал бы дорожить ни престолом, ни титулом... Я бы спокойно дождал свой век в Париже, где ваше величество, конечно, дало бы приют престарелому Карлу с женой. Я возражаю против отречения и признания королем моего сына /встаю на колени/, потому что я был плохим, но честным королем. Я не могу допустить, чтоб вашим соседом стал вероломный сын мой! Мне будет стыдно за Испанию, имеющую на троне короля вознесенного не вами, а чернью, короля, чуть не убившего отца, короля негодая.

ФЕРНАНДО /за шпату/. Пусть же поля французского дворца обогрится твоей кровью, слабоумный старик.

КАРИ /бросая перчатку/. Я принимаю твои вызовы, выродок.

НАПОЛЕОН. Талейран! Поднимите перчатки. Успокойтесь, короли Испании, и не ругайтесь... как моя жена Жозефина.

ФЕРНАНДО. Я законный король Испании.

КАРЛ. Нет, только я законный король Испании.

НАПОЛЕОН. Талейран! Как я должен поступить?

ТАЛЕЙРАН. Очень просто, ваше величество. Назвать имя законного короля Испании.

НАПОЛЕОН. Вы совершенно правы... Назвать законного короля Испании.

/Входит ЖОЗЕФ./

А вот кстати, и законный король Испании, мой брат Жозеф! Приветствую вас, Жозеф! Ну? Что вы скажете на это, Талейран?

ТАШЕИРАН. Ваше величество! Будь я на вашем месте, я не разрешил бы этого вопроса так легко!

НАПОЛЕОН. Почему?

ТАШЕИРАН. У меня меньше родственников, ваше величество!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация первой картины. Трактир, но в другом ракурсе, так что видна лестница, ведущая наверх, где комната для приезжающих. Трактир переживает тяжелые минуты: беспорядок, у стойки пусто, в углу возится Антонио, точа детскую саблю. Анна то уходит наверх, то спускается, волоча скарб. В кресле посредине сидит Педро. Около него Пабло, без знаков отличия.

ПЕДРО. Да, Пабло! Мало того, что французы заняли Мадрид, меня разбил этот проклятый паралич и я не могу двинуться с места и уйти со всеми крестьянами.

ПАБЛО. Да, брат! Не во-время ты захворал! Еще третьего дня, когда я слагал с себя звание старшины, я думал, что уйду сегодня вместе с тобой в горы.

ПЕДРО. Может быть, уйдешь?

ПАБЛО. Какой же испанец покинет своего больного брата, если не сегодня-завтра деревню могут занять враги!

ПЕДРО. Проклятый паралич! Проклятая болезнь!

АНТОНИО. Болезнь? Ты болен, дедушка? Мама! Почему папа не приходит лечить дедушку?

АННА. Не знаю. Я давно не видела папу. Сегодня приехала тетя Мерседес. Она ответит нас с тобой к папе.

АНТОНИО. Ты, мама, не тревожься! Если мы встретим по дороге французов и они будут тебя обижать, я их убью. Не забудь мою саблю.

АННА. Куда же я ее уложу? И так тую такой большой, что я не знаю, как мне его донести. Боже мой! Боже мой! Какое несчастье — эта война! Сразу лишиться всего: и вещей, и дома, и мужа.

ПАБЛО. Не грусти, Анна! Французов прогонят, и мы снова соберемся в этом доме. Ты посмотри, что кругом делается. Бросают землю, потому что ее нельзя унести с собой. А земля — это самое дорогое, что есть у нас. Все деревни ушли в горы.

АННА. Мне страшно, Пабло! Я не понимаю этого! Я умру по дороге! Мне так тяжело!

АНТОНИО. Тебе не будет тяжело. Я понесу самый большой узел. Какой папа нехороший, что он ушел!

АННА. Нет, Антонио, твой отец честный человек! И если доктор Хуан сейчас не с нами, значит так нужно.

ПАБЛО. Страшные времена настали для Испании. В Мадриде Мюрат расстреливал женщин и детей!

ПЕДРО. Проклятые!

ПАБЛО. Вчера один приехавший рассказывал, что одна женщина убила французского офицера.

АННА. Женщина? Простая женщина?

ПЕДРО. Подвиги делают всегда самые простые люди!

МЕРСЕДЕС /входя с парнями/. Ты готова, Анна? Через десять минут мы идем.

АННА. Готова, готова? Я никогда не буду готовой. Я никогда не уложусь. А не взять ли мне, Мерседес, инструменты и лекарства Хуана?

МЕРСЕДЕС. Не стоит.

АННА. А я все-таки возьму.

АНТОНИО. А я, тетя, возьму саблю.

МЕРСЕДЕС. Бери, бери, милый!

ПЕДРО. А где Хуан?

МЕРСЕДЕС. Он там, отец, где должен быть каждый честный испанец.

ПЕДРО. Честный испанец прежде всего

должен спасти своего отца.

МЕРСЕДЕС. А он спасает свою мать.

ПАБЛО. Какую мать?

МЕРСЕДЕС. Его мать, как и твоя, и моя - это родина. Он там! Около него много парней, крепких парней с мушкетами и ножами. Они отобьют Испанию.

ПЕДРО. Где врачу победить французских маршалов?

МЕРСЕДЕС. Не врачу, а народу! Короли предали нас, министры предали нас, генералы предали нас. Пора нам самим спасти себя.

ПЕДРО. И вы, молокососы, думаете, что спасете страну?!

МЕРСЕДЕС. Спасем, отец.

ПОЧТАЛЬОН. Клянусь богородицей, мы спасем страну, старик.

ПЕДРО. Вы все погибнете!

МЕРСЕДЕС. Или погибнут они.

ПАБЛО. А где наш славный аббат Молино?

МЕРСЕДЕС. Давно не видала. С тех пор, как Фернандо уехал к императору Наполеону, аббат замолк! Теперь время не речей, а дел. А те, кто хорошо говорят, редко хорошо дерутся.

ПОЧТАЛЬОН. Верно, Мерседес!

ПЕДРО. Как самонадеянна молодость!

МЕРСЕДЕС. Отец, не клевети на молодость! Если бы не твоя болезнь, да разве ты бы сам не пошел с нами? Нож за пояс, ружье в руке! Бей французов на лесных уступах!

ПОЧТАЛЬОН. Я знаю тебя, Педро! Ты пошел бы!

ПЕДРО. А ведь верно, Пабло! Пошел бы! Проклятый паралич!

/Входят еще ПАРНИ./

МЕРСЕДЕС. Вот еще наши! Ну, друзья, пора! Вы готовы?

ПАРНИ. Готовы!

МЕРСЕДЕС. В горы, к доктору Хуану! Идем! Нас зовет гверилья!

АННА. Гверилья? Гверилья? Никогда не произноси этого страшного слова, которое отняло у меня мужа.

МЕРСЕДЕС. Оно дало стране героев!

АННА. Хуан не велел произносить вслух это слово!

МЕРСЕДЕС. То было месяц тому назад! А сейчас надо всем кричать: "Да здравствует гверилья! Да здравствует народная война! Ура, гверильясы!"

КРИКИ. Ура, гверильясы!

АНТОНИО. Я тоже гверильяс. Вот моя сабля.

/С м е х./

МЕРСЕДЕС. Ну, идем, старый Антонио.

Идем, Анна! Прощай, дядя Пабло! Прощай, отец! /Целую./ Ах, если б ты шел рядом со мной! Ну, до свиданья!

ПЕДРО. Нет, прощай, Мерседес!

МЕРСЕДЕС. Да... Если прискачет сюда Журавль, скажите, что мы уже ушли. Пусть догоняет. Он знает дорогу.

ПЕДРО. Журавль с тобой?

МЕРСЕДЕС. Конечно.

ПЕДРО. Она кого угодно с ума сведет! Ну, Антонио! Дай я тебя поцелую!

АНТОНИО. Поцелуй, дедушка!

ПЕДРО. Прощай, Анна! Береги и люби Хуана!

АННА. Буду, отец! Только трудно мне!

ПЕДРО. Только о трудном и просят. Легкое люди сами делают. Ну, прощайте, ребята... Если не умру, увидимся. Ну, идите скорей!

ГОЛОСА. Прощай, пошла!

/Все, кроме ПАБЛО и ПЕДРО, ушли./

ПЕДРО. Ну, вот мы с тобой и вдвоем. Слушай, Пабло! У нас есть еда?

ПАБЛО. Я почти все отдал уходящим. У нас есть немного крупы да окорок.

ПЕДРО. Съежи окорок, чтобы ничего не досталось французам! Нам с тобой и каши хватит.

ПАБЛО. Есть еще осколок вина. /Ушел./

ИСПАНСКИЙ СОЛДАТ /вбегая/. Кружку вина!

/ПАБЛО пьет./

Скорей! Французы...

ПЕДРО. Где они?

СОЛДАТ /пьет/. В двух милях отсюда!
Скоро будут здесь! Спасибо за вино! /Ухо-
дит./

ПЕДРО. Пабло!

ПАБЛО. Что, брат?

ПЕДРО. Пожалуй, нам и крупы не надо!
Сожги ее!

/С т у к./

Неужели уже?

МИГУЭЛЬ /вбегая/. Где Мерседес?

ПЕДРО. Ах, это ты? Мерседес велела,
чтоб ты ее догонял! Ступай, Пабло, жги
крупы.

МИГУЭЛЬ. Французы скоро будут здесь.

ПЕДРО. Я жду их... Догоняй, Мерседес.

МИГУЭЛЬ. Только дух переведу. Что бу-
дет с нашей деревней?

ПЕДРО. То же, что и со всей Испанией!
Что слышно в горах?

МИГУЭЛЬ. Народу все прибывает! Идут сту-
денты. Еще больше крестьян. Рабочие из
портовых городов. Наши уже начали трево-
жить французов.

ПЕДРО. Оводы жалят лошадь! Слушай, па-

ренье! Хуан погубит свою сестру. Не нрави-
ся ты мне, а теперь вижу, как ты ее любишь
раз ты всюду с ней. Видно, не такое теперь
время, чтобы выбирать женихов. Денюх ты.

МИГУЭЛЬ. Ладно, дедушка Педро! Прогони
французов и я женюсь.

ПЕДРО. Ох, долго же ждать свадьбы!

МИГУЭЛЬ. А сейчас не только о свадьбе,
о поцелуях некогда думать! Хочешь поцело-
ваться, а в ковре — враг. Ну, некогда...
Я поскакал. /Обнимает./ Прощай, старина!
/Убегает./

ПЕДРО. Прощай, дуравль длинноногий! Не-
когда поцеловаться! И это испанцы!

/Тихо входит АНТОНИО./

Ты? Ты же ушел с матерью?

АНТОНИО. Я, дедушка, саблю забыл и убе-
жал за ней от мамы!

ПАВЛО /входя/. Все готово! Сжег!

ПЕДРО. Ты видал этого воина? А! Саблю
забыл! Мать бросил! Что мы теперь с ним
делать будем?

АНТОНИО. Я только возьму саблю и доро-
жную маму.

/В и с т р е л./

ПАВЛО. Поздно, Антонио.

/В и с т р е л./

АНТОНИО. Это гром?

ПАБЛО. Это стреляют французы.

АНТОНИО. Так дай мне саблю! Я буду драться! Я их убью!

/Стук в дверь./

ПАБЛО /у окна/. Французские драгуны.

ПЕДРО. Пабло! Дай мне сигару! Антонио, дай огня! Проклятый паралич!

/С т у к./

Ишь, как не терпится.

/С т у к./

Открой, Пабло!

/Входят КАПРАЛ и ПЯТЬ СОЛДАТ./

КАПРАЛ. Опять оставленная деревня! Дьявол! Кто вы такие?

ПАБЛО. Господин француз! Меня зовут Пабло, я был старшиной в этой деревушке. А это мой брат, трактирщик. Он слишком стар и разбит параличом, чтобы уйти вместе с остальными. Он хотел умереть в своем доме. Я остался при нем. А это его внук, он помогает нам.

КАПРАЛ. Почему деревни сдаются без боя? Почему жители уходят?

ПАБЛО. Не знаю, господин француз. Жители ушли в горы.

КАПРАЛ. Чего они там не видели?

ПАБЛО. Господин француз! Все испанцы любят майские вечера, когда ночи так чудесны, гулять по горам.

КАПРАЛ. Чорт поберет эту страну. Вот

как испанцы нуждаются в нас. А маршал говорил, что они зовут нас, чтобы свергнуть Бурбонов! Кой чорт! Сейчас не время для беседы. Я еду. Три драгуна останутся здесь, для связи! Ман! Франсуа! За мной! На коней! Проклятая страна! Ни капли воды!

ПАВЛО. Зато есть вино!

КАПРАЛ. Дай мне. /Пьет./ Кислятина! Стокивский! Ты за старшего! Только не напиваться!

СТОКИВСКИЙ. Не беспокойтесь, проше пана. Мы немного. За здоровье нашего маршала.

КАПРАЛ. То-то! Проклятая страна!

/Трое ушли./

ДРАГУН. Ты в самом деле, Станислав, не налегай.

СТОКИВСКИЙ. А разве кто видал меня пьяным?

ВТОРОЙ. Трезвым тебя редко видим.

СТОКИВСКИЙ. Садись, ребята, за стол. Разве этим вином можно напиться? Вот у меня в Варшаве есть старка. Шестьсот лет...

/С м е х./

ПЕРВЫЙ. Ну, пошел врать.

СТОКИВСКИЙ. Як бога кохам, шестьсот лет старка... Один раз я открыл бутылку, так все мы — пятнадцать человек были пьяны от одного запаха... Дай запалки!

/Закуривают, пьют./

ВТОРОЙ. И чего это, Станислав, тебя из Варшавы понесло к нам в армию?

СТОКИВСКИЙ. На смотру пан Наполеон увидал меня, а я парень красивый, як бога кохам! Пан Наполеон и говорит мне: Станислав Стокивский! Послужи у меня пять лет, я тебя маршалом сделаю.

/С м е х./

ВТОРОЙ. А ведь верно! Он и при мне в Египте говорил: "Французы! В ранце каждого солдата лежит жезл маршала!"

СТОКИВСКИЙ. А... что я молвил? Дай-ка еще винца... Я вчера встретил сорок испанцев. Поглядел на них, и все ускакали.

ПЕРВЫЙ. Оказывается, Станислав и вчера был пьян!

ВТОРОЙ. Нет, это ему приснилось!

СТОКИВСКИЙ. Да нет же, панове! Як бога кохам, нет! Испугались меня. Э! Виктор! Ты чего это на бок свесился?

ПЕРВЫЙ. Устал. Ко сну клонит.

СТОКИВСКИЙ. Пьян! Матка Ченстоховска! Готов! Как от моей старки! А вот я никогда пьян не бываю! Давай споем! Я раньше в хору пел!

ВТОРОЙ. И что же?

ПЕРВЫЙ. Выгнали. Очень голос противный.

СТОКИВСКИЙ. Не за голос, а за вино!

/Хмелея, трое поют./

Все выше храбрые знамена!
Вперед, французский батальон!
Вперед, солдат Наполеона!
Непобедимый, как и он!
Вперед, драгун! Вперед, наш brave!
Ты никогда не отступал!
И с нами вечно наша слава
И славный маленький капрал!

СТОКИВСКИЙ. Хорошо поем... А чего эта,
як бога кохам, ноги не слушаются.

ПЕРВЫЙ. Поспать бы.

ВТОРОЙ. Два дня не спали...

СТОКИВСКИЙ. Эй, вы, черти! Где у вас
тут поспать можно?

ПАБЛО. Вино наше сладкое, а кровати мяг-
кие! Вот по этой лестнице можно подняться
в комнату. Там есть кровати.

СТОКИВСКИЙ. Только помогите мне. А то
ноги... ну, ни как!

ПАБЛО. Прошу. Обопритесь на меня! /Ведет
всех троих наверх./

СТОКИВСКИЙ /напевает//. И с нами вечно
наша слава...

/Ушли. П а у з а./

АНТОНИО . Дедушка... А, дедушка... Может
быть, мне помочь дяде Пабло?

ПЕДРО. Сиди около меня, внучек. Пабло
справится и без тебя.

АНТОНИО. А они его там не убьют?

ПЕДРО. Не бойся, внучек. Хоть их и трое, но испанское вино и наваха — товарищи дяди Пабло. Сиди, Антонио. И зачем только ты пришел сюда? Ну, как я тебя отправлю к матери? Глупый ты, глупый Антонио! Разве в такое время можно детям одним бегать?
/Пауза./ Дай-ка огня! Опять потухла сигара.

АНТОНИО. А папа за мной придет?

ПЕДРО. Не знаю.

АНТОНИО. Дедушка... Там наверху что-то упало. Это они убили дядю Пабло. Дай-ка я зажгу свечку и сбегам. У меня тоже есть сабля. Я помогу дяде.

ПЕДРО. Сиди, Антонио. Еще не настало время тебе помогать старикам.

/Стук в дверь./

АНТОНИО. Сткрыть, дедушке?

ПЕДРО. Подожди, внук!

/Стук./
Подожди! Не открывай!

/Стук сильнее. По лестнице спускается ПАБЛО и кладет на стол нож./

АНТОНИО. Что ты делаешь, дядя?

ПАБЛО. Сталь запотела. Чтоб не заржавела.

АНТОНИО. А французы спят?

ПАБЛО. Спят, Антонио. Никаких французов ты не видал.

/С т у к./

ПАБЛО. Я открою, Педро.

/ПЕТРО молчит. ПАБЛО открывает.
Входят ФРАНЦУЗСКИЙ ОФИЦЕР и новые
ДРАГУНЫ./

ОФИЦЕР. Почему так долго не открывали?

ПАБЛО. Брат мой в параличе и не может двинуться, а я крепко спал.

ОФИЦЕР. Здорово же ты спишь, скотина. Дай нам поесть.

ПАБЛО. Весь наш дом в вашем распоряжении, но в доме нет ничего.

ОФИЦЕР. Что это за стаканы?

ПАБЛО. Здесь был ваш капрал с драгунами. Они допили последнее вино.

ОФИЦЕР. А где они?

ПАБЛО. О, они далеко!

ОФИЦЕР. Ничего не поделаешь. Садитесь за стол. Доставай у кого что есть! К вечеру надо быть в Аранжуэце... Проклятый капрал. Я ему велел здесь оставить людей для связи. Думал горячего поесть, а придется опять сухари жевать.

/Е д я т./
В деревне никого нет?

ПАБЛО. Никого, господин француз.

ОФИЦЕР. Так и знал. А кто наверху?

ПАБЛО. Там нет никого.

ОФИЦЕР. Сержант, поднимитесь наверх.

СЕРЖАНТ. Есть, господин лейтенант.
/Идет./

ОФИЦЕР. Прекимая страна! Все уходят из городов, из сел, из домов, как будто мы звери. Что вы нахмурились, старики?

КРИКИ С ВЕРХУ. Ай!

ОФИЦЕР. Что такое?

СЕРЖАНТ /сбегая/. Там три трупа... наших драгун, зарезаны... теплые...

ОФИЦЕР. Кто их убил?

ПАБЛО. Если я даже поклянусь, что это сделал не я, вы не поверите. Значит, это сделал я.

ОФИЦЕР. Чтоб один тщедушный старик мог убить трех наших драгун? Ложь! Кто тебе помогал?

АНТОНИО. Я, господин француз.

ОФИЦЕР. Молчи, щенок!

ПАБЛО. Мальчик тут не при чем. Простите, господин француз...

ОФИЦЕР. Зовите меня лейтенантом, чорт побери.

ПАБЛО. Дай огня, Антонио... Простите, господин француз! Драгуны нашли бочку с влагой жизни... Я их уложил спать навсегда. Каждый делает то, что он может! Если кто виноват в их смерти, так это только я.

ПЕТРО. Проклятый паралич! /С трудом вставая./ Этот испанец бреш, господин француз. Он поступил так по моему приказу. Он у нас младший, а младшие братья всегда слушаются старших. Убейте нас обоих. Мы оба виноваты.

ОФИЦЕР. Вы оба будете расстреляны.

ПЕТРО. Я так и думал, господин француз.

ОФИЦЕР. Говорите ваше последнее желание. Мне некогда.

ПЕТРО. У меня только одно желание: чтоб все иностранцы умерли раньше меня.

ПАБЛО. Господин лейтенант...

ОФИЦЕР. Ага! Перед смертью вспомнил мой чин.

ПАБЛО. Это мой старший брат. Разрешите мне самому застрелить его, чтоб рука француза не коснулась моего старшего брата.

ОФИЦЕР. Чорт с вами! Моим солдатам не слишком приятно стрелять в безоружных. Твое желание будет исполнено. Завязать им глаза! Сержант, вывести их во двор!

ПЕТРО. Спасибо, господин француз! Прощай, Антонио. /Целует его и идет с солдатами./

ОФИЦЕР. Ну, а ты, малыш, чего остался тут? Чего же ты молчишь? Ты испугался?

АНТОНИО. Я ни чего не боюсь. Меня папа внучил быть храбрым...

/Во дворе выстрел./
Прощай, дедушка!

ОФИЦЕР. Сколько тебе лет?

АНТОНИО. Двенадцать, господин француз.

ОФИЦЕР. Ого!

/В н о т р е л./

АНТОНИО. Прощай, дядя Пабло!

ОФИЦЕР. Готово!

АНТОНИО. Господин офицер, дайте мне
ваш носовой платок.

ОФИЦЕР. А что у тебя своего нет?

АНТОНИО. У меня грязный. /Берет платок
завязывает себе глаза./

/Вошли ДРАГУНЫ./

ОФИЦЕР. Что ты делаешь, волчонок?

АНТОНИО. Я думал, что теперь моя оче-
редь идти во двор.

ОФИЦЕР. Мы детей не убиваем.

АНТОНИО. Это как будет угодно вам и
господу богу.

ОФИЦЕР. Забирай, что хочешь, и беги
отсюда. Вот твоя детская сабля!

АНТОНИО. Разрешите, я возьму наваку дяди
Пабло!

ОФИЦЕР. Бери! Французская армия не бо-
ится вооруженных детей. Не так ли, драгуны?

СЕРЖАНТ. Точно так, господин лейтенант.

/АНТОНИО идет к выходу./

ОФИЦЕР. Куда же ты теперь пойдешь?

АНТОНИО. Я пойду искать гверилью, господин француз! Там мой отец!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ПЯТАЯ

Горы. Лагерь Хуана на лесистом склоне.

ХУАН. Кто берется пробраться в Севилью?

ГВЕРИЛЬЯС. Тот, кому ты прикажешь.

ХУАН. Ну, тогда ступай ты, почтальон. Отправляйся ночью. Около Севильи найдешь гверильясов Реновалеса и скажешь, что я жду их прихода.

ПОЧТАЛЬОН. Будет сделано, доктор. /Ушел./

ХУАН. Как у нас дела с едой?

ГВЕРИЛЬЯС. Не то, чтоб хорошо, но и не то, чтоб плохо. Если Журавль со своим отрядом скоро вернется, он доставит еду.

ХУАН. Ему пора бы вернуться. Он должен был напасть на обоз французов еще утром, а уже смеркается.

ГВЕРИЛЬЯС. Если Журавль задержался, значит, так надо...

ХУАН. Французов поблизости не видно?

ВТОРОЙ. Нет. Посмотрим, что скажет разведка Мерседес.

ХУАН. Если и она не обнаружит, значит, они пошли мимо... Тогда нам надо перебраться поближе к ним.

ТРЕТИЙ. Сегодня опять был человек от аббата Молино.

ХУАН /глядя на карту/. Они, очевидно, прошли южнее... Ты говоришь, от аббата? Зовет меня опять?

ТРЕТИЙ. Я ответил, как ты велел, доктор. Передай, мол, аббату, что ему не дальше дорога до Хуана, чем Хуану до аббата. Если аббат хочет видеть доктора, пусть поднимется в горы. Тут, мол, воздух чище и легче разговаривать.

ХУАН. Конечно, южнее... Нам здесь засиживаться нечего. Ну, а что он?

ТРЕТИЙ. Передайте, мол, доктору, что к вечеру аббат придет подышать горным воздухом.

ХУАН. Ну и отлично.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Уж не хочешь ли ты с ним помолиться?

ХУАН. Нет. Я боюсь, дружище, что мы с ним молимся в разных церквях и разным богам. Наш бог с мозолями, а его в расе.

ПЕРВЫЙ. Это верно, что мы монахи без

ряс. А все-таки интересно, нашла Анна Анто-
ниот?

ХУАН. Нет. Ей преградили путь французы,
а потом Мерседес и ее потеряла.

ПЕРВЫЙ. Где же она?

ХУАН. Не знаю.

ПЯТЫЙ /вбегая/. Журавль приехал.

ХУАН. Как приехал? Он же пешком ушел?
Неужели коня отбил?

ПЯТЫЙ. Нет, приехал на осле. Осел тощий,
тощий... да вот и Журавль.

ХУАН. Ты жив? Здоров?

МИГУЭЛЬ /входя/. Жив и здоров.

ХУАН. Как дела?

МИГУЭЛЬ. Обоз ушел мимо озера. Мы напали,
французы растерялись.

ХУАН. Все захватили?

МИГУЭЛЬ. Даже лишку попало. В моем до-
мике, который оставил мне отец, был старый
мул... Возни с ним было по горло. Да тебе,
вероятно, Мерседес рассказывала. Словом,
пришли французы и забрали осла.

ПЕРВЫЙ. Слышали. Это единственное доб-
рое дело французов.

МИГУЭЛЬ. Напал я сегодня на обоз. А в
обозе мой мул. Ну, узнали мы друг друга,
обнялись...

ХУАН. Кто же из вас кого обнял?

МИГУЭЛЬ. Не смейся, Хуан. Мне было приятно повидать и эту старую скотину. Стал я уходить, а осел смотрит на меня, как человек, и плачет... Я не выдержал, сел на него и поехал. Так этот подлец не только меня, а и все свои привычки вспомнил. Позвезет, пачтится...

ХУАН. А! Так вот отчего ты запоздал!

МИГУЭЛЬ. Конечно! Разве на моем осле вернешься так скоро, как пешком. А где Мерседес?

ВТОРОЙ. Еще не вернулась... Ты ее по-прежнему любишь?

МИГУЭЛЬ. Ох, как люблю! Не везет мне только с ней.

ПЕРВЫЙ. А что такое?

МИГУЭЛЬ. Жениться некогда, да и не можем в горах священника найти.

ХУАН. Сегодня придет сюда аббат Молино. Он вас и поженит.

МИГУЭЛЬ. Ах, Хуан! Уж такое у нас невежество, что если священник придет, так или меня или Мерседес здесь не будет. А не может же один из нас жениться на другом, если или одного или другого нет!

ХУАН. Ну, ладно, неудачник! Добычу сдал?

МИГУЭЛЬ. Сдают.

ХУАН. Отдохни и поспи.

МИГУЭЛЬ. Нет, я пойду навстречу Мерседес.
МЕРСЕДЕС /входя/. Я сама приду.

МИГУЭЛЬ. Здорова? Не ранена?

ХУАН. Здравствуй, сестра. Французов не видала?

МЕРСЕДЕС. Мне надо бы с тобой поговорить наедине.

ХУАН. Сто! А ну-ка, друзья, оставьте нас.
/Все уходят./

МИГУЭЛЬ. Я пойду осла кормить. Вот навязался он на мою голову. /Ушел./

ХУАН. Что случилось?

МЕРСЕДЕС. Внизу в роще мы заметили человека. Мы его остановили. Кто ты? Я - священник, из Кордовы. Откуда идешь? Это не ваше дело. Разве святым отцам запрещено ходить по Испании. Мы его обыскали. Вот записка, написанная по-французски.

ХУАН. Дай. /Читает./ Это важно.

МЕРСЕДЕС. Что в ней?

ХУАН. "Ваше письмо получил. Завтра вечером около разрушенного замка. Талейран".

МЕРСЕДЕС. Кто этот Талейран?

ХУАН. Министр Наполеона. Кому священник нес письмо?

МЕРСЕДЕС. Не говорит.

ХУАН. Пусть его приведут.

МЕРСЕДЕС. Гарциа! Веди пленного.

ХУАН. Не пленного, а шпиона.

/Священника ввели./

Вы священник из Кордовы? /Пауза./ Вы священник из Кордовы? И вы шли от француз-
зов?

/Молчание./

Вы не слишком разговорчивы.

МЕРСЕДЕС. Так он молчал всю дорогу.

ХУАН. Вы знаете, что вам грозит?

СВЯЩЕННИК. Жизнь моя в руках пресвятой
девы.

ХУАН. Прекрасный ответ... был бы, если
бы святая дева начала заниматься такими
мелочами, как ваша жизнь. Может быть, вы на-
зовете имя того, кому вынесли записку?

/Молчание./

Этот человек мне знаком и вы это знаете,
святой отец...

/Молчание./

Разве настали времена, когда святые отцы,
за отсутствием треб, стали почтальонами?
Кому эта записка?

СВЯЩЕННИК. Я не могу отвечать. Я дал
обет.

ХУАН. Это ваше дело! Тогда помолитесь,
святой почтальон, чтобы святая дева не
слишком вас бранила на том свете за то, что
вы на этой земле занимались такими делами.
Возьмите этого человека и поступите с ним,
как велит ваша совесть и долг.

СВЯЩЕННИК. Рука господя покарает того, кто осмелится коснуться священника.

ХУАН. Рука испанца коснется не священника, а предателя.

СВЯЩЕННИК. Я не виноват, испанцы.

ХУАН. Довольно. Говорить надо было тогда, когда я спрашивал. Всю вину перед богом я беру на себя. Увести его.

/Священника уводят./

МЕРСЕДЕС. И таких людей рождает Испания.

ХУАН. Она же их хоронит. Я перешлю с кем-нибудь из своего отряда эту записку тому, кому она написана.

МЕРСЕДЕС. А кому она написана?

ХУАН. Тому, кто завтра придет на свиданье с Талейраном. Ты и Журавль отправитесь к разрушенному замку. Вы должны услышать весь разговор. Но не троньте их собеседников. Они не должны знать, что их тайна открыта. К ночи я со всем отрядом буду у замка.

МЕРСЕДЕС. Ты не сказал, кому эта записка?

ХУАН. Ты сама увидишь. Об Анне не слышно?

МЕРСЕДЕС. Она как в воду канула.

ХУАН. Грустно началась для меня гверилья. Кроме тебя, я растерял всех родных.

Ушел.
МЕРСЕДЕС. Бедный брат! Как он страдает без Антонио!

МИГУЭЛЬ /вбегая/. Ты привела священника?

МЕРСЕДЕС. Да! Он...

МИГУЭЛЬ. Спасибо! Ты молодец!

МЕРСЕДЕС. Я должна была так поступить.
Могла ли я его отпустить?

МИГУЭЛЬ. Конечно, нет. Ты так же хочешь,
как и я, чтоб священник нас скорее повен-
чал.

МЕРСЕДЕС. Ах, ты вот о чем! Нет, жу-
равль, этот священник нас не повенчает.

МИГУЭЛЬ. Почему?

МЕРСЕДЕС. Потому что его уже убили или
скоро убьют.

МИГУЭЛЬ. Да! Это действительно не то,
что я думал. До чего же мне не везет.

МЕРСЕДЕС. Пока мы одни, мой ненаглядный,
обними меня да поцелуй.

МИГУЭЛЬ. Наконец-то! Какое счастье!
Обнял./

ТРЕТИЙ /вбегая/. Доктор Хуан! Доктор
Хуан! Аббат Молино пришел.

МИГУЭЛЬ. Ну, вот всегда так. То министр
в ковре, то аббат в горах. Господи, как не
везет.

ХУАН. Кто звал меня?

ТРЕТИЙ. Пришел аббат.

ХУАН. Просить его... и созвать старших.

/Входит МОЛИНО. Постепенно сцена наполняется./

ХУАН. Добрый вечер, аббат Молино.

МОЛИНО. Здравствуйте, доктор Хуан. Высоко же подниматься к вам.

ХУАН. Легче подняться высоко, чем опуститься слишком низко.

МОЛИНО. Я много раз звал вас к себе.

ХУАН. Я очень занят, аббат.

МОЛИНО. Я звал вас по делу... Разве мы будем говорить не с глазу на глаз?

ХУАН. Глаза у этих людей — мои глаза. У нас нет секретов друг от друга. Мы говорим то, что думаем, и делаем то, что говорим.

МОЛИНО. У вас большой отряд. Мои люди, правда, лучше одеты.

ХУАН. Конечно, здесь все больше крестьяне, а у вас дворяне и торговцы.

МОЛИНО. И те и другие одинаково любят родину.

ХУАН. Боюсь, что ваши люди любят не ту родину, которую любим мы.

МОЛИНО. Я пришел договориться с вами. Мы идем по одной дороге.

ХУАН. По одной дороге, но, может быть, в разные стороны, аббат.

МОЛИНО. Мы оба хотим спасти родину! Хотите ли вы, как и я, поддержать законного короля?

ХУАН. Это которого? Карла, который отрекся? Фернандо, который поскакал к Наполеону? Или Жозефа Бонапарта, который назначен?

МОЛИНО. Я говорю о Фернандо. Законен только он.

ХУАН. Потому что его поддерживаете вы? Мне кажется, что надо решать вопрос не о короле, а об Испании.

МОЛИНО. Страна без короля — это туловище без головы.

МИГУЭЛЬ. Я видел у нас в университете в банке голову без туловища, — зрелище жалкое.

ХУАН. Разрешите мне задать вам вопрос. Гверилья слушает вас. Вы свергли Карла ради Фернандо — будете ли вы драться за ту Испанию, которая кричит: долой продажных королей?! Если будете драться, просим к нам. Мы вас примем, как принимаем каждого честного испанца.

МОЛИНО. Я готов драться, но во имя кого?

ХУАН. Во имя свободного народа.

МОЛИНО. Народ! Это слово неясное.

ХУАН. Как и слово король.

МОЛИНО. Испания не может жить без церкви и престола.

ХУАН. От имени всех нас говорю: за церковь и престол держитесь без нас.

МЕРСЕДЕС. Пусть Фернандо сам сражается за свой престол.

МИГУЭЛЬ. Земля не корона. Ее в Париж не увезешь.

ПЕРВЫЙ. Я сражаюсь за свой виноградник!

ВТОРОЙ. Я сражаюсь за своих королей, которых узели за налоги.

ТРЕТИЙ. Я сражаюсь за свой домик, который судом оттягали монахи! Я сражаюсь за то, чтоб жизнь моей дочери была легче, чем жизнь ее отца!

ХУАН. Видите, господин аббат, за что мы сражаемся.

МОЛИНО. Я боюсь, что вы обещаете людям то, чего вы не можете обещать. Этого они не имели и не получают.

ГОЛОСА. Получим! Добьемся! Кровью достанем! Ножом!

МИГУЭЛЬ. Разрешите мне... Я дворянин, правда, небогатый...

МОЛИНО. Так идите в мой отряд! Вам место там!

МИГУЭЛЬ. Даже короли сами выбирают себе вожака. Сказать по правде, в вашем отряде мне не нравится вождь.

/ С м е х /

МОЛИНО. Я вижу, что здесь мне трудно договориться.

ХУАН. Боюсь, что в другом месте вам

легче договориться.

МОЛИНО. Я ухажу.

КРИКИ. Всегда раздоры! Вместе лучше...
у нас один враг - французы!

ХУАН. Тихе, тихе, друзья!

МОЛИНО. Нам трудно понять друг друга.

МЕРСЕДЕС. Вам не понять нас, а мы вас
отлично поняли.

МОЛИНО. Я должен кое-с кем посоветоваться
и только тогда могу дать вам ответ!

ХУАН. Журавль! Проводи аббата. Мы наши
тропинки знаем лучше.

МИГУЭЛЬ. Пойдемте, господин аббат. Тут
темнее, чем во дворцах Аранжуэца!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет Наполеона в Байонне. У дверей два
гренадера. Наполеон в кресле у стола, под-
писывает бумаги, которые ему подает Ремюза

НАПОЛЕОН /делая росчерк/. Возьмите!
это все?

РЕМУЗА. Все, государь.

НАПОЛЕОН. Бурбоны готовы к отъезду?

РЕМУЗА. Вчера они сообщили о своем согласии на предложение вашего величества. Король Карл с королевой направляются в Компьен, Фернандо с братьями - в Барселону.

НАПОЛЕОН. Вот - подарок нашим родным. Пусть полюбуются на эту семейку. Распорядитесь, чтобы им приготовили все, что нужно... Расход отнесите за счет испанского бюджета, Франция не может содержать всех свергнутых королей, их становится слишком много.

АДЪЮТАНТ /входя/. Его величество король Испании и Индии!

НАПОЛЕОН. А, Жозеф! Проси, проси.

ЖОЗЕФ /входит и почтительно, но холодно кланяется/. Я не помешал, государь?

НАПОЛЕОН /приветливо/. Нет, нет... Я хотел поговорить с тобой. Оставь нас, Ремюза.

/РЕМУЗА с поклоном уходит./
Ну, вот ты и король Испании. Бурбоны подписали отречение. Вот оно. Ты доволен, я надеюсь.

ЖОЗЕФ /сдержанно/. Я всегда готов служить вашему величеству.

НАПОЛЕОН. Ну, ну! Опять кислые минны? Что за семья - эти Бонапарты! Я вытащил из нищеты, сделал министрами, принцами, королями! Чего еще надо?

ЖОЗЕФ. Мне кажется, что, благодетельст-

...взвешивая ваших братьев, вы прежде всего руко-
водитесь вашими собственными интересами.
...меня, например, никто не спрашивал, хочу
со- и я царствовать в Испании. Я предпочел бы
а. той прежний мирный неаполитанский престол
...омнительной чести называться королем не-
за. завоеванной страны.

стан. НАПОЛЕОН. Ерунда! Испания завоевана.
ря-ои знамена развеваются в Мадриде. Бурбоны
нуж-треклись и ищут приюта во Франции.

го
эх
ком
ЖОЗЕ. Говорят, однако, что война про-
должается.

роль
НАПОЛЕОН. Вздор! Шапки нищих собираются
...оевать против армии, видевшей Маренго,
...устерлиц, Мену... Испания завоевана. Нужно
...только уметь управлять ею.

дно
ЖОЗЕ. Я остаюсь при своем мнении, госу-
...дарь. К тому же мне жаль моих бедных неа-
...политанцев... Они так любили меня.

е- НАПОЛЕОН /отрывисто смеясь/. Ха-ха-ха!
...Вы бесподобны, мой брат! Ха-ха-ха! Бедные
...неаполитанцы! Они так любили вас! Ха-ха-
...ха! Это замечательно! /Сразу становясь
д- серьезным./ Что это - глупость или наг-
я лость? Я с моей армией завоевал Неаполь
...и поручил его вам... Что вы сделали с
...вашим государством? Вы были правителем
у- ленивым, беспечным, нерадивым. Ваши под-
...данные повиновались вам из страха предо-
...мой. Вы были для этого народа чужеземцем
...и узурпатором.

ЖОЗЕ. Я полагаю, брат мой, что вы ме-
...ня пригласили не для того, чтобы выслуши-
...вать оскорбления?

НАПОЛЕОН. Замолчите! Вы слишком много помните о брате и забываете об императоре. Король прусский трепещет предо мной, русский царь ищет моей дружбы, Италия и Нидерланды, Швеция и Саксония лежат у моих ног! Вы слишком злоупотребляете правами брата! Я знаю больше, чем вы думаете. Вы заодно с этой ведьмой, госпожей де-Сталь, вы распространили обо мне сплетни... Такова ваша благодарность.

ИОЗЕФ. Ваше величество! Вы несправедливы ко мне. Разрешите мне удалиться.

НАПОЛЕОН/смягчаясь/. Ну, ну! Не следовало раздражать меня. Я забочусь о вашем благе, но прежде всего о благе моей империи. К делу, Иозеф! Завтра вы отправитесь в Мадрид. Вы соберете представителей сословий и обяжете им вашу волю. Вы пообещаете им реформы. Вы скажете испанцам, что ваша политика — это политика союза с Францией. Держите поводья рукой решительной и твердой. Помните, что я завоевал Испанию не для испанцев, а для себя. Помните и то, что мои интересы — это интересы моих братьев. Прощайте, Иозеф!

/НАПОЛЕОН обнимает Иозефа. Кланяясь, ИОЗЕФ выходит./

РЕМЮЗА /входя/. Государь! Ее величество хочет видеть вас.

НАПОЛЕОН. Чорт возьми! Две семейных сценки подряд, не слишком ли много для одного дня... Вы уладили?

РЕМЮЗА. Я полагаю, да... Императрица грустна, но спокойна.

НАПОЛЕОН. Так, так, просите.

/Входит ЖОЗЕФИНА. Она печальна и смиренна. НАПОЛЕОН любезно, почти заискивающе, встречает ее, берет ее за руку, усаживает в кресло./
Я рад тебя видеть, Жозефина. Ты здорова?

ЖОЗЕФИНА. Благодарю вас, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Не нужно титулов... Мы одни... Итак, твое решение, Жозефина?

ЖОЗЕФИНА. Если Франция требует от меня этой жертвы — я готова принести ее.

НАПОЛЕОН. Ну, вот и отлично. Крепись, Жозефина, ты знаешь — это не просто каприз, такая необходимость. Франции нужен наследник. Печальная необходимость заставляет меня расстаться с тобой. И новая супруга, кто бы она ни была, — сестра Александра русского, или дочь императора Франца, — она никогда мне не заменит тебя.

ЖОЗЕФИНА /томно/. Милый мой! /Склоняет голову на грудь Наполеона./

/НАПОЛЕОН обнимает ее. Долгий поцелуй. В дверях появляется ТАЛЕЙРАН. Поцелуй длится. ТАЛЕЙРАН негромко кашляет. ЖОЗЕФИНА, вскрикнув, уходит./

НАПОЛЕОН /выпрямившись/. Что это значит?

ТАЛЕЙРАН. Не гневайтесь, ваше величество... Неотложное дело! Испания...

НАПОЛЕОН. Опять Испания! Мне наскучила эта страна. У Испании теперь новый король, он сам наведет там порядок.

ТАЛЕЙРАН. Я боюсь, государь, что если вы предоставите Испании одному только королю Жозефу, он не сможет стать ее королем. Испанцы продолжают войну.

НАПОЛЕОН. Их дни сочтены. Там моя армия, там Мюрат и Дюпон.

ТАЛЕЙРАН. Инсургенты нападают на наши арьергарды, отбивают наши обозы с продовольствием, угоняют лошадей и мулов, убивают из-за угла наших солдат... Они называют это - гверилья...

НАПОЛЕОН. Гверилья! Кажется, это значит по-испански "маленькая война"... И вы полагаете, что маленькая война заставит отступить великую армию?

ТАЛЕЙРАН. Я не думаю этого, государь. Я бы хотел только обойтись без длительной борьбы.

НАПОЛЕОН. К делу, к делу!

ТАЛЕЙРАН. Я полагаю, ваше величество, что надо завоевать испанцев дипломатическим искусством.

НАПОЛЕОН. С кем предлагаете вы мне вести переговоры? Не с бандой же испанских мужиков?

ТАЛЕЙРАН. Нет, ваше величество, этого я вам не предлагаю. Но у этой банды есть вожди, вернее, один вождь.

НАПОЛЕОН. Кто же это?

ТАЛЕЙРАН. Некий аббат Молино.

НАПОЛЕОН /презрительно/. Поп?

ТАЛЕЙРАН. Я сам был епископом, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Вы надеетесь его купить, ТалеЙран?

ТАЛЕЙРАН. Не деньгами, конечно. Молино честолюбив, он хочет власти.

НАПОЛЕОН. Понимаю. Ну, что же... Вы можете обещать этому священнику, что мы сделаем его советником при короне Жозефе. Это его удовлетворит?

ТАЛЕЙРАН. Надеюсь.

НАПОЛЕОН. В таком случае, действуйте. Только не ошибаетесь ли вы в этом аббате?

ТАЛЕЙРАН. О, нет, государь. Сегодня Испания — это Молино. Купив его, мы обезглавим гверилью.

НАПОЛЕОН. Отлично. Посторопитесь, ТалеЙран. Я должен поскорее развязаться с испанскими делами.

ТАЛЕЙРАН. Сегодня вечером, государь, в горах предстоит мирная прогулка двух священников: аббата и епископа. Небольшая богословская беседа. Едва ли аббат откажется от дружеских наставлений епископа. Святая церковь позаботится о благе этих бедных испанцев.

З А Н А В Е С

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В горах около развалин замка. Вьется расходящаяся дорога. Каменистая площадка. Луна.

АННА. Я больше не могу, старик. У меня ноги не идут. Отдохнем немного.

ПАСТУХ. Посидим, бедная женщина. Вот как раз здесь дорога расходится.

АННА. А куда ведут эти дороги?

ПАСТУХ. Обе дороги ведут в горы, где сейчас гверильясы. Та, что поправее, та полагче. По ней мы и пойдем.

АННА. И ты уверен, что отрядом командует мой Хуан?

ПАСТУХ. Я пастух. Я пасу скот. Я знаю, как кличут моих коров. Имена начальников я не знаю; но слышал, что во главе этих добрых людей стоит какой-то доктор.

АННА. Тогда это он! Как он будет огорчен, что увидит меня без Антонио. Он так любил своего сына, а я потеряла его.

ПАСТУХ. В эти дни все матери потеряли своих детей, а Испания нашла своих сыновей.

АННА. Какие времена! И за что дерутся

эти люди?

ПАСТУХ. За правду.

АННА. А те? Другие?

ПАСТУХ. Те - за свою правду.

АННА. Значит, есть две правды?

ПАСТУХ. Правд много, но у бедных людей есть только одна правда, и у богатых только одна правда. И пока есть люди бедные и богатые, эти две правды никогда не сделаются одной правдой.

АННА. Трудно все это понять.

ПАСТУХ. А разве жить легко? Ну, пойдем, если ты отдохнула.

АННА. Пойдем, старик.

/Бредут направо, тотчас слева на площадке МИГУАЛЬ и МЕРСЕДЕС./

МИГУАЛЬ. Стой! Это здесь.

МЕРСЕДЕС. Здесь. Вон, на той площадке мы ляжем. Нам будет видно, а нас не увидят.

МИГУАЛЬ. Кажется, кто-то пошел. Вон, смотри!

МЕРСЕДЕС. Какая-то женщина и старик. Нам они не нужны. Мы охотимся за другим зверем.

МИГУАЛЬ. Да расскажи мне, в чем дело.

МЕРСЕДЕС. Здесь мы одни. Можно. Садись. Мы перехватили записку французок к одному испанцу. Место их встречи здесь. У раз-

вадин замка. Вот чортова луна. Как светит.

МИГУАЛЬ. А кого вы подозреваете?

МЕРСЕДЕС. Я сама не знаю.

МИГУАЛЬ. Кто бы это ни был, я его застрелю на месте.

МЕРСЕДЕС. Нет, Журавль! Хуан запретил. Наше дело проследить... Хуан скоро будет здесь со всем отрядом. Мы идем на юг...

МИГУАЛЬ. Неужели настанут когда-нибудь дни, когда мы будем с тобой в такую ночь сидеть не на камнях, а у окна нашей комнаты и в лилейке будет храпеть наш сынок?

МЕРСЕДЕС. Настанут такие дни, Журавль. Честное слово, настанут.

МИГУАЛЬ. Какие годы-то уходят!

МЕРСЕДЕС. Чтоб дать место еще лучшим.

МИГУАЛЬ. Ты веришь, Мерседес?

МЕРСЕДЕС. Верю... действительно — какая ночь! С гор тянет прохладой.

МИГУАЛЬ. И цветами. Как я люблю цветы.

МЕРСЕДЕС. Я тоже... Никого нет...
/Обняла Мигуаля./ Ах, ты родной мой, любимый мой! Ненаглядный мой! /Хочет поцеловать его./

МИГУАЛЬ /отстраняясь/. Тихе.

МЕРСЕДЕС /недовольно/. В чем дело?

МИГУЭЛЬ. Смотри, как будто кто-то про-
вон там... честное слово, идет! Не шенелис...

/П а у з а. На дороге - МОЛИНО./
Это... это...

МЕРСЕДЕС. Мигуэль! Это... аббат.

МИГУЭЛЬ. Не могу! /Снял ружье./ Убью!

МЕРСЕДЕС. Нельзя!

/МОЛИНО вышел и сел под ними./

МОЛИНО. Никого... он опаздывает. Странно,
что записку принес не мой священник, а
другой... Осторожность. Его нет... Нико-
го...

/Далекий свист./

МИГУЭЛЬ. Слышишь?

МЕРСЕДЕС. Слышу.

МОЛИНО /встал/. Это он... значит,
записка настоящая... /Огляделся./ Никого...
/Свистит./

/Прихрамывая, входит ТАЛЕЙРАН.

МОЛИНО бежит ему навстречу./
Ваша светлость?

ТАЛЕЙРАН. К чему титулы? Мы не в зале,
где нас могут подслушать только стены и
мною же купленные уши. Вы аббат?

МОЛИНО. Да, аббат Молино. Я очень рад,
что наша встреча состоялась.

ТАЛЕЙРАН. Вы пришли одни?

МОЛИНО. Я полагаю, что такие разговоры надо вести наедине. Мне надо сказать вам так много.

ТАЛЕЙРАН. Эта обстановка не располагает к длинным беседам. Все дело очень просто. Мой император не в духе. Люди в куртках нападают на людей в мундирах императорской гвардии и это нас шокирует. Вы играете видную роль у этих людей?

МОЛИНО. Я их руководитель.

ТАЛЕЙРАН. Отлично. Вы, видимо, человек благоразумный.

МОЛИНО. И верный слуга трона.

ТАЛЕЙРАН. Все мы верные слуги трона, когда на троне сидит тот, кому нам выгодно быть верным.

МОЛИНО. Нет, я бескористен!

ТАЛЕЙРАН. Вот этого я не люблю! Бескористие моего собеседника мне стоит всегда дороже, чем самая большая алчность. Вы свергли Карла...

МОЛИНО. Я и мои молитвы.

ТАЛЕЙРАН. Я сам был епископом, но мои молитвы никогда так хорошо не действовали. Вы короновали Фернандо?

МОЛИНО. Да.

ТАЛЕЙРАН. А вы бы отнеслись к тому,

чтоб признать королем принца Жозефа?

МОЛИНО. Но он Бонапарт, а я за Бурбонов.

ТАЛЕЙРАН. Любезный аббат! Тот, кто хочет сохранить трон Бурбону, должен служить Бонапарту. Это теперь очень принято.

МОЛИНО. Во Франции?

ТАЛЕЙРАН. Франция достаточно югучая страна для того, чтоб ей подражали.

МОЛИНО. Это мысль, господин...

ТАЛЕЙРАН. Без имен... Я не люблю имен в лесу и в горах. Да, это мысль. А эту мысль я могу подтвердить, из уважения к вашему бескорыстию...

МОЛИНО. А если бы я был корыстен?

ТАЛЕЙРАН. Тогда я подтвердил бы ее просто золотом. Я надеюсь, что вы не оскорбились?

МОЛИНО. Нет. Я буду откровенен с вами.

ТАЛЕЙРАН. У дипломатов это главное достоинство. Это их оружие.

МОЛИНО. Я мечтал, что молодость Фернандо вернет любовь народа к трону.

ТАЛЕЙРАН. Но народ, грязный, невежественный, дикий народ — взбунтовался. Уже появились вожаки, которые вообще против трона.

МОЛИНО. Я понял, господин...

ТАЛЕЙРАН. Без имен.

МОЛИНО. Господин епископ!

ТАЛЕЙРАН. Вот это другое дело, господин аббат.

МОЛИНО. Я понял, что Испания гибнет, что ее может спасти только крепкая рука.

ТАЛЕЙРАН. Париж протягивает вам свою крепкую руку.

МОЛИНО. Я могу заставить мои отряды сложить оружие...

ТАЛЕЙРАН. Это было бы прекрасным началом.

МОЛИНО. Но мне надо знать...

ТАЛЕЙРАН. Что вы выиграете? Положение, богатство. Чего вы хотите? Наша казна не менее могуча, чем наше войско. Я полагаю, что мы договорились?

МОЛИНО. Должен ли я вам верить?

ТАЛЕЙРАН. Как честный аббат честному епископу. Через несколько минут здесь будет наш отряд. Вы сдаетесь. Для вида мы вас арестуем. Мужики, потеряв руководителя, особенно такого талантливого, как вы, падут духом... через месяц — восстание кончено. Этот месяц вы проведете в Париже, не скучая на развлечения, которые, конечно, не компрометируют духовную особу. Потом мы возвращаем вас в Мадрид и делаем первым советником короля Жозефа.

МОЛИНО. Советник короля аббат?

ТАЛЕЙРАН. Мы выше предрассудков. Если мой император может руководить напой римским, то почему аббату не руководить королем? Потом, когда Испания стоскуется по Бурбонам...

МОЛИНО. Как одна ее могущественная соседка, господин епископ?

ТАЛЕЙРАН. Ваша проницательность восхищает меня, господин аббат! И ухожу! Через день вы, правда, пленный, увидите меня.

МОЛИНО. А гарантия?

ТАЛЕЙРАН. Честное слово Талеярана. Вот в этом случае без имен не обойдешься.

/Р а с х о д я т с я./

МИГУЭЛЬ. Ты слыхала? У нас в Аранжуэце торговли разговаривают благороднее.

МЕРСЕДЕС. И за этим человеком шли люди!

МИГУЭЛЬ. И какие люди! Даже мы с тобой!

МЕРСЕДЕС. Продал Испанию, как десяток апельсинов! Даже задаток просил.

МИГУЭЛЬ. Уйдем, Мерседес.

МЕРСЕДЕС. Погдем навстречу Хуану.

МИГУЭЛЬ. Нет, стой! Опять идут. Домись!

/МОЛИНО и часть его отряда./

МОЛИНО. Я собрал вас, самых близких

моих людей, для того, чтобы сказать вам то, что я передумал бессонными ночами. Я звал вас на борьбу с французами...

ГОЛОСА. Да, да... верно... И мы пошли.

МОЛИНО. И я должен признаться, друзья, я ошибался!

ГОЛОСА. Как? Что такое?

МОЛИНО. Слушайте меня. Кто вы? Сеньоры, гранды, владельцы поместий, торговцы! Я думал, что наш враг это - Наполеон. Но я понял ошибку. Вчера я был в отряде гверильясов. И я увидел, что с императором Франции нам легче договориться, чем с людьми в горах. Император отнимает у вас часть вашего богатства, эти люди хотят отнять все. Французы грозят нашей чести, люди в лохмотьях - нашей жизни. Подумайте над этими словами! Вы привыкли мне верить! Верьте и сейчас. Я много плакал и молился прежде чем небеса указали мне мою ошибку. Ее надо исправить. Меня император Наполеон не простит, но вас он помирует. Пусть я буду казнен, но своей смертью я спасу ваши горбы, вашу жизнь и богатство. Мертвуйте мной и спасайте себя! Себя и родину! Не возражайте! Я так решил! Собственной смертью я приведу вас к счастью! Послушайте в последний раз вашего несчастного аббата Молино, которого небеса наказали слепотой и который только теперь прозрел для того, чтобы увидеть свою смерть.

/Т р у б н./

Вы слышите? Само небо подтверждает мою правоту?

/Т р у б н./

Это идут французы!

/Т р у б а./

МОЛИНО /встав на колени/. Небеса! Святая дева Мария! Не дай погибнуть людям, которые шли за мною!

/Показались французы./

Друзья мои! Сложите оружие! Не надо крови! Я один виноват во всем и пусть небо карает только меня!

/Испанцы стоят неподвижно. Французы приближаются./

Видишь, отец небесный, как гибнет заблудившаяся овца стада твоего! Повторяйте же, друзья, за мною: да здравствует король Испании Мозеф Бонапарт!

/В молчании французы подошли и стали./

ОФИЦЕР. Предлагаю вам сдаться.

МОЛИНО. Мы сдаемся, господин офицер. Да здравствует Мозеф, король испанский!

МЕРСЕДЕС /тихо/. Я не могу.

МИТГАЛЬ. А приказ?

МОЛИНО. Я начальник! Я аббат Молино! Запомните: Молино!

ОФИЦЕР. Положите оружие.

МОЛИНО. Кладите, кладите оружие. Не проклиняйте пастыря вашего, ведшего вас по ложному пути! Кричите за мною: да здравствует...

МЕРСЕДЕС /вскочив/. Есть минуты, когда никакой приказ не в силах остановить

честную испанку. /Прыгает вниз./ Продажная
тварь! Изменник! Тебя не возьмут в плен!
/Ударяет ножом аббата./

/АББАТ падает./

МОЛИНО. Это женщина... его сестра.

МИГУЭЛЬ /сверху/. Мерседес! Подожди!

ОФИЦЕР. Драгуны, пли!

/З а л п. МЕРСЕДЕС падает./

МИГУЭЛЬ /подбегает к ней/. Подлец! По
женщине! Лучше в меня! Вот моя грудь!
/Кидается на офицера./

МЕРСЕДЕС. Беги, Муравль!

МИГУЭЛЬ. Никогда, невеста моя! Умрем
вместе. /Дерется./

МЕРСЕДЕС. Хотя бы трупы нашли гверил-
льасы!

МИГУЭЛЬ. Гверилья! Где ты?

ХУАН /появляется/. Кто зовет гверилью?
Гверилья здесь и везде! /Увидев./ Вперед!
/Бросается вниз./

/Гверильясы прыгают со всех
уступов./

КУКИ. Гверилья здесь и везде!

/Короткий б о й. Французы бегут./

ХУАН. Мерседес, ты ранена?

МЕРСЕДЕС. Прости... я нарушила приказ.
/Поднимаясь./ Изменник Молино убит! Убила
я... и убита сама. /Падает./

ХУАН. Неужели я потерял и сестру?

МИГУЭЛЬ /над Мерседес/. Хуан! Все разоблаченные аббаты не стоят одной Мерседес!
Такой Мерседес! /Ридает./

ХУАН. Не плачь, товарищ. Не плачь, Ми-
гуэль! Сними шляпу, гверилья, перед де-
вушкой, погибшей за Испанию!

/Шляпы сняты. Молчание./

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Хижина в горах. Ночь. Барабанит дождь и
ревет ветер. Изредка молния, которая уси-
ливается. МИГУЭЛЬ сидит около огарка и
читает. На полу спит ПОЧТАЛЬОН.

МИГУЭЛЬ /захлопнув книгу/. Нет, черт
поберет! Но всем чертям эти ученья и книги!
Это не то что в залах университета. Зани-
маться богословием во время войны. Это
может прийти в голову только такому ду-
раку, как я! /Бросил книгу./ Ишь, как ре-
вет ветер... Гроза все ближе... Бедный
Гарция, который пошел в Севилью к Ренова-
лесу, не скоро выберется сюда. В темноте

да через скалы. Ну и дорога! Эх, скорей бы он приходил. Мы его встретим и проводим в наш новый лагерь. Ах, как мне хочется скорей туда вернуться. Ого! Какая молния! Кажется, ад хочет вместе со мной изучать богословие! Почитать, что ли, еще? Поднял книгу. Нет, не могу. Лучше попеть! Вполголоса.

От севера и до Севильи
В лесах и на воде,
Разносится песня: Гверилья!
Гверилья здесь и везде!

Да! Куда ни пойдешь, это слово отпирает все двери. Деревья расступаются перед ним. Скалы раздвигаются! Потому что "гверилья" замечательное слово! Мощное! Общее!

В суровых ущельях Кастильи
При месяце и звезде
Разносится песня: Гверилья!
Гверилья здесь и везде.

ПОЧТАЛЬОН /проснулся/. Ну, что? Еще нет Гарциа?

МИГУЭЛЬ. Разве в такую ночь можно скоро добраться! Хорошо если он не сорвался с утеса или не попал в поток.

ПОЧТАЛЬОН. А ты все поешь, Муравль?

МИГУЭЛЬ. А как мне не петь, почтальон, когда я самый счастливый человек на свете? Когда вчера Мерседес упала и сам доктор снял перед ней шляпу, я хотел убить себя. Я ее обнял в последний раз и вдруг закричал: "Хуан! Она дышит! Она жива!" И Мерседес открыла от крика глаза. Оказалось: она в обмороке. Пуля слегка задела ее по голове, а другая пробила ногу.

ПОЧТАЛЬОН. Я всегда говорил, что доктора ничего не понимают.

МИГУЭЛЬ. И доктор Хуан?

ПОЧТАЛЬОН. Если доктор Хуан скажет: иди на врага и погибни, — я пойду без размышлений. Но если он скажет: на тебе капли от боли в животе, — я эти капли выброшу в окошко. Как может доктор узнать, что делается внутри меня, когда я сам этого не знаю.

МИГУЭЛЬ. Я только знаю, что Мерседес жива, а, значит, жива и наша Испания и
Разносится песня: Гверилья!
Гверилья здесь и везде!
Ты когда-нибудь в своей жизни любил?

ПОЧТАЛЬОН. Он меня спрашивает? Да ты всю свою жизнь не будешь любить столько, сколько раз любил я.

МИГУЭЛЬ. Тот, кто любит много раз, никогда не узнает столько счастья, сколько его узнает тот, кто любит только один раз.

ПОЧТАЛЬОН. Ну, этому вероятно вас в ваших университетах учили... Это ты из этой книги вычитал?

МИГУЭЛЬ. Нет. Эта книга не о любви.

/Дверь распахивается. Входит мокрый ГАРЦИЯ, неся завернутый тук./

ГАРЦИЯ. Здорово, ребята... Ну и ночь! Промок, как гусь! Нет ли винца?

ПОЧТАЛЬОН. В этой хижине пастуха мы нашли бочонок. На, Гарция.
/ГАРЦИЯ пьет./
Как прошел?

ГАРЦИЯ. Как обещал доктору. Все в по-

рядке. Видал Реновалеса.

МИГУЭЛЬ. А что это у тебя за ток?

ГАРЦИА. Фу ты! Я и забыл! Шел я по тропинке, вдруг споткнулся, гляжу, а это мальчишка... чуть дышит. Я его подобрал и принес сюда. Пусть лучше лежит в хижине, чем на дожде!

МИГУЭЛЬ /развернув/. Гарциа... Да это... ей богу, это он... Антонио!

ПОЧТАЛЬОН. Антонио? Не может быть!

МИГУЭЛЬ. Он! Он! Антонио! Сын доктора! Антонио! Милый мой! Посмотри на меня! Открой глаза! Это я... помнишь, длинный Журавль... Антонио.

АНТОНИО /тихо/. Кто меня зовёт?

МИГУЭЛЬ. Это я, дядя Журавль!

АНТОНИО. Журавль? /Встал./ Журавль! Значит, и отец тут?

МИГУЭЛЬ. Нет, отца тут нет! Мы отвведем тебя к отцу. Твой отец близко. Мы тебя отвведем к нему.

ПОЧТАЛЬОН. Не отвведем, а отнесем. Не такая ночь, чтобы ребенку пешком ходить.

АНТОНИО. Дядя Журавль! Вы меня стнесете к папе и маме?

МИГУЭЛЬ. Ну, брат, всего сразу захотел. Папа здесь, а маму еще искать надо.

АНТОНИО. Значит, мамы нет?

МИГУЭЛЬ. Есть, да только не здесь. Мама далеко... папа близко. А ты всех захотел сразу, и папу и маму. Может, еще дедушку, скажешь?

АНТОНИО /вдох/. Дедушки больше нет!
/Острицательно качает головой./

ПОЧТАЛЬОН. Как нет?

АНТОНИО. Его убили французы. И дядю Пабло убили...

ГАРЦИА. Как же это так?

МИГУЭЛЬ. Ну, что мы трое взрослых мужчин одного ребенка. Он и так еле жив. Потом расскажешь, Антонио, хочешь есть?

АНТОНИО. Очень хочу.

МИГУЭЛЬ. На тебе хлеба и винограду. Ну, понесем его.

т. ПОЧТАЛЬОН. Я понесу первый.

МИГУЭЛЬ. Как бы не так! Его тетка - моя невеста, значит, понесу я. /Поднял./ Ты не боишься гроз, Антонио?

АНТОНИО. Я ничего не боюсь.

ГАРЦИА. Правильно делаешь. Ну, пошли.

/Напевая, вышли. Сцена пуста. Молния и гром. Дверь осторожно открывається. Голова пастуха./

ПАСТУХ. Кто тут? Никого! А огарок горит.
/Вошел./ Видно, тот, кто был, уже ушел.
Входи, Анна... Никого нет.

АННА /входя/. Нигде мы никого не находим. И мужа не нашли...

ПАСТУХ. Видно, отряд ушел в другое место. Сколько бродили, никого не встретили. Ну, садись. Отдохни. Вот здесь окорок. Тут немного вина. Эге! Кто-то уже до меня нашел вино! Я в этой лагере редко бываю. Все же еду здесь прячу. Ты отдохни и поспи. Я скоро вернусь.

АННА. Ты оставляешь меня одну?

ПАСТУХ. Скот-то у меня наверное весь разбежался. Какая непогода. А я со скотом только подпаска оставил. Где ему доглядеть. Разбредутся коровы. Это недалеко отсюда. Мы в гору долго шли, а вниз я быстро сбегал. Я ведь молодой еще... мне и шестидесяти нет. А назад я напрямик, одной тропинкой. Я к утру буду обратно. Ты мешок свой положи, а то совсем брось его. Зачем он тебе? Что у тебя в нем? Еда? Так у меня хватит тебя прокормить.

АННА. Здесь не еда. Здесь лекарства Хуана. Он ведь доктор. Могу ли я бросить их?

ПАСТУХ. Не думай, Анна: сегодня не нашли, завтра найдем. Я узнаю, куда ушел отряд. Кого другого, а гверильясос в горах найти не трудно. Короля в Испании найти труднее, чем их. Правда всегда находится. Ты поспи, Анна, а я к утру вернусь и опять пойдем искать. Ну и гроза... Ну, прощай! /Уходит./

АННА /одна/. Никого не нашли... Сколько времени хожу по горам, ищу мужа. Не проще ли мне принять лекарство и умереть! Вот это яд. Мне Хуан говорил: видишь, Анна, где череп, это смертельный яд. Не открывай его. А как мне не открыть, если, может быть,

только для того и брожу по этим проклятым горам, чтоб узнать, что Хуан убит. Нет Хуана, а как мне жить без Хуана и Антонио. Что я без них? Как не отравиться? Господи! Пресвятая Мария Падилья. Спаси меня, простую испанскую женщину, от таких мыслей! Да как я могла так согрешить, что хочу сама лишиться себя жизни? Да как посмела я? Разве мне принадлежит жизнь моя? Не я себе дала ее, не смею я отнимать ее у себя! Услышь меня, Мария Падилья! Найди мне мужа и сына. Не могу я иначе жить...

/Далекий разговор./

Что это? Должно быть, старый пастух забыл что-нибудь и вернулся. С кем он разговаривает? Неужели он нашел кого-нибудь из отряда Хуана? Какое счастье! /Открыв дверь./ Сюда, сюда! /Резко отступает./

/Входят ТРИ ФРАНЦУЗА./

Кто это?

СОЛДАТ. Женщина!

ВТОРОЙ. Унтер! Ты знаешь по-испански, поговори с ней!

УНТЕР. Мы французские солдаты. Мы голодны. Кто ты?

АННА. Я Анна, испанская женщина.

УНТЕР. Слушай, Анна, мы хотим есть.

АННА. Я не хозяйка тут.

УНТЕР. В Испании теперь один хозяин — это француз.

АННА. Тогда хозяева лучше меня найдут еду.

УНТЕР. Друзья! Она ничего не хочет говорить! Ищите! /Шарит./ Ты гордая! У тебя

есть муж?

АННА. Не знаю.

УНТЕР. А сын?

АННА. Не знаю.

УНТЕР. Ты глупа. Каждая женщина должна знать, есть ли у нее сын. Это мужчина может не знать, есть ли у него сын.

СОЛДАТ. Ура! Окорок!

ВТОРОЙ. Разреши разрезать!

ПЕРВЫЙ. В бочонке есть вино! Поужинаем на славу!

УНТЕР. Да, да! Мы поужинаем, а потом пойдем искать гверильясов. Мы убьем гверилью.

АННА. Вы идете убивать гверилью? Это страшное слово. Кто его говорит, тот должен умереть. Никогда не произноси, француз, этого слова.

УНТЕР. Мы поужинаем и пойдем искать гверилью. А ты нам будешь помогать ужинать?

АННА /решительно/. Да! Кладите окорок. Я налью вина! У меня нет стаканов, но есть склянки. /Развязав узел, достает посуду./

ПЕРВЫЙ. Славный окорок. Режется, как свежий хлеб!

ВТОРОЙ. Скажи ей, чтобы скорей налила вина. Мы промерзали!

ПЕРВЫЙ. Пусть она выпьет с нами.

УНТЕР. Испанская женщина, мы тебе дурного не сделаем! Француз — кавалер. Он любит ужинать с женщинами. Он их не обидит.

АННА. Я сыта и есть не хочу.

УНТЕР. Слушай, женщина. Тут бывали случаи, когда испанцы отравляли наших солдат. Это хорошая ветчина?

АННА. Я не знала, что вы придете, и этот окорок готовился не для вас.

ПЕРВЫЙ. Что она говорит?

ВТОРОЙ. За здоровье испанских женщин!

УНТЕР. Стой, Жорж! Я им не верю! /Анна./ Если это вино хорошее, не отравленное, ты не откажешься, Анна, выпить с нами стакан.

АННА. Конечно, не откажусь. /Пьет./ Мария Педилья.

УНТЕР. Кто это Мария?

АННА. Это наша святая дева, которая видит с небес, что мы делаем.

ПЕРВЫЙ. Вино не плохое. /Пьет./

ВТОРОЙ. Да, славное. /Пьет./

УНТЕР. Согревает.

/Пьют и едят./

За здоровье императора Наполеона! Здесь война плохая! Испанец прячется, мы его ищем. Не скоро мы убьем гверилью.

АННА. Я ничего не понимаю в войне, но

мне сказал человек, которого я больше никогда не увижу, что тот, кто сказал страшное слово "гверилья" — тот умирает.

УНТЕР. Мы не умрем, мы победим. Француз всегда побеждает, как и Наполеон!

ПЕРВЫЙ. За здоровье маленького каптала.
/П ь ю т./

ВТОРОЙ. Чтобы скорей пропала гверилья и мы вернулись к нашим женам.
/П ь ю т./

АННА. Мария Падилья! Не сделай так, чтоб слово Хуана оказалось неправдой.

УНТЕР. Кто это Хуан?

АННА. Это человек, которого я никогда на уви... Ах!

УНТЕР. Что с тобой?

АННА /встав/. Ой!

УНТЕР. Анна, что с тобой?

АННА /с трудом, торжественно/. Ты сказал слово "гверилья". Так умри же. В это вино я налила яд.

УНТЕР. Друзья! Вино отравлено.
/ВСЕ вскочили./
И ты пила с нами?

АННА. Чтобы не отказались пить, чтобы вы не могли убить гверилью, которой командует мой муж!

ПЕРВЫЙ. Убить ее!

ВТОРОЙ. Отрава... Во мне горит! Ой!..

УНТЕР. Проклятая колдунья. Дома жена...
двое детей.

ПЕРВЫЙ /с саблей/. Я ее убью! /Идет к
ней./

АННА. Убейте! Убейте! Я сражалась вместе
с тобой, мой любимый Хуан! О, Мария Падилья!
Сделай так, чтоб моя душа улетела прямо на
небо и оттуда помогла Хуану и Антонио. Ина-
че я не могла поступить... Я... простая
испанская женщина...

З А Н А В Е С

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Олушка леса. Лагерь Хуана. МЕРСЕДЕС, с за-
бинтованной головой. ХУАН. ГВЕРИТЬСЯ.

ХУАН. Опять неудача!

МЕРСЕДЕС. Четыре раза ходили наши в ата-
ку!

ПЕРВЫЙ. Сколько убитых крестьян...

ВТОРОЙ. А крепость не сдается. Даже Волк
говорит, что ее нельзя взять, а уж Волк
храбр, как никто.

ХУАН. Да! Зря мы дали возможность гене-
ралу Дипону запереться в этой крепости! Ежали

мы ее сегодня не возьмем, к Дюпону подойдут войска и все наши жертвы пропадут. Крепость надо взять.

ТРЕТИЙ. Возьми-ка! У него пушки и сто-ин. Голыми руками не ухватишь голову.

ХУАН. Хотя бы с севера подошел Ремовалес! Ни пачталлона, ни Муравия нет.

МЕРСЕДЕС. Если бы не эта нога, которую я подвернула, когда падала, я бы сама пошла в атаку.

ПЕРВЫЙ. Уж не думаешь ли ты, Мерседес, что ты сильнее нас? Мы дрались не плохо, а сделать ничего не могли.

ВТОРОЙ. Или ты знаешь какое-нибудь слово?

ТРЕТИЙ. Французы никаких слов не боятся.

ВТОРОЙ. Дюпону страшны только пушки, а у нас их нет!

МЕРСЕДЕС. Что вы предлагаете?

ТРЕТИЙ. Уйти в горы, пока нас всех не переколотили!

ХУАН. Если мы отойдем, нас переколотят или возьмут голодом, крепость надо взять!

ТРЕТИЙ. Ну, и возьми сам!

МЕРСЕДЕС. Стыдись, испанец, я только женщина, у меня нет пушек, я знаю только два слова: гверилья и Испания! И то я говорю: вы все уйдете, а я останусь тут и только через мой труп...

ВТОРОЙ. Там много трупов моих друзей...
Дюпену будет мягко итти.

ХУАН. А я говорю, что ему будет жестко итти. Вы мне верили до этого дня и мы побеждали. Сейчас вы сомневаетесь в своих силах и мы отступаем! Победы достойны только тот, кто идет в бой, зная, что он победит. У нас могут быть поражения, но временные! У нас должна быть победа, но вечная!

МЕРСЕДЕС. Неужели вы вернетесь в свои деревни и сдадитесь? Да вам ваши жены будут плевать в глаза. Дети назовут вас трусами. Мне стыдно за вас.

ХУАН. Мерседес... Не обижай этих людей. Они видели сегодня четыре раза смерть так близко, что недостойны называться трусами. Они просто устали... Слышите: перестрелка затихла. Значит, Волк готовится к атаке.

ТРЕТИЙ. Сколько еще частных людей не увидят конца этой атаки!

МЕРСЕДЕС. Хотя бы часть увидела конец

ВТОРОЙ. Помолитесь и о тех и о других!

/Вбегает ПОЧТАЛЬОН./

ПОЧТАЛЬОН. Хуан! Доктор Хуан!

ХУАН. Наконец-то!

ПОЧТАЛЬОН. Реновалес со своим отрядом и с тремя пушками с ночи вышли к крепости. Он подойдет с севера. Когда ты услышишь с севера крики: "гверилья здесь и везде" и залп трех пушек - знай, что это Реновалес.

МЕРСЕДЕС. Где Журавль?

ПОЧТАЛЬОН. Здесь и принес для тебя, доктор, радость.

ХУАН. Пока на крепости французский флаг, какая может быть радости!

ПОЧТАЛЬОН. А вот посмотрим. Журавль! Журавль!

ГОЛОС ЖУРАВЛЯ. Мы идем!

ГОЛОС АНТОНИО. Гвериллы здесь и везде!

МЕРСЕДЕС. Ах, Хуан... это голос...

ХУАН. Молчи... это показалось...

/Входят./
Сын... Антонио...

АНТОНИО. Да, отец, это я!
/Целуются./

ПЕРВЫЙ. В такой большой войне такой маленький мальчуган и то нашелся.

МЕРСЕДЕС. Антонио!

АНТОНИО. Тетя Мерседес!
/Целуются./

ХУАН. Так вы его нашли... Ну, да сейчас не время... Спасибо тебе, Мигуэль!

МИГУЭЛЬ. Не мне, а Гарциса.

АНТОНИО. А дядя Журавль нес меня.

ХУАН. Ну, спасибо вам обоим! Нет слов, чтоб... Иди сюда, мой сын... Ты вернулся

ко мне в трудную минуту... Может быть, через час твоего отца уже не будет.

МЕРСЕДЕС. Хуан, не надо говорить ребенку...

АНТОНИО. Говори, говори! Я видел, как убили дедушку...

ХУАН. Они убили его! Прощай, бедный старик.

АНТОНИО. И дядю Пабло... Я думал, что и меня, но они не захотели. Я рад, отец, что увидел тебя.

ХУАН. И я. Теперь легче будет умереть.

МЕРСЕДЕС. Теперь легче будет победить.

/К р и к и./
Вы слышите, испанцы. Это Волк пошел в атаку!

/Сняли шляпы./

МИГУЭЛЬ /влез на дерево/. Они идут. Крепость молчит. Они идут и не стреляют. Я вижу Волка. Он идет во весь рост. Вот он перепрыгнул через ров. На стенах все больше французов. Они заряжают ружья. Волк остановился. Он что-то говорит. Он подзывает тех, кто отстал.

ХУАН /обняв сына/. Дальше, дальше!

МИГУЭЛЬ. Волк командует. Все легли. Ползут. Один Волк идет. На стене показался генерал. На шляпе перья. Волк идет дальше.
/З а л п./

Ах!

МЕРСЕДЕС. Что? Что случилось?

МИГУЭЛЬ. Вы слышите? Огонь! Идут даль-

не. Много раненых. Волк идет все дальше. За
ним идут. Ворота открываются... Ой, выкатыва-
ют пушки...

/З а л п./

Второй огонь. Волк остановился... нет, он
упал... к нему бегут, пробует встать... не
может... гверильясы дальше не идут... они
лежат... их никто не видит... Хуан, я не
могу больше... я бегу к ним... /Слез./

МЕРСЕДЕС /хромая/. Я с тобой.

ХУАН. Стойте! Стойте, говорю я вам. Никто
из вас не пойдет. Подем мы.

МЕРСЕДЕС. Кто мы?

ХУАН. Я и Антонио!

МЕРСЕДЕС. Ты с ума сошел. Ребенка под
огонь!

ХУАН. Если нас победят, Антонио все рав-
но не жить. Ты пойдешь со мной, сын мой?
Ты не боишься?

АНТОНИО. Я ничего не боюсь, отец.

ХУАН. Слышите? Слышите! Антонио не боит-
ся. Так кто же из взрослых смеет бояться!
/Поднял сына./ Идем, сын мой, победить или
умереть!

АНТОНИО. Гверилья здесь и везде!

/Они убежали./

МЕРСЕДЕС. Ребенка...

ПЕРВЫЙ. Он прав! Дети тоже имеют право
умереть за гверилью!

ПОЧТАЛЬОН. Мне стыдно, что я здесь, а не там!

/З а л п./

Вы слышите, взрослые, наше место там! Антонио! Я иду к тебе! За мной, кто любит Испанию! /Убежал./

ВТОРОЙ. Я два раза ранен сегодня. Так пусть на этот раз меня совсем убьют. /Ушел./

РАНЕННЫЙ /убегая/. Волк убит... мы пропали... отступаем... где Хуан?

МИГУЭЛЬ. Он там, где должен быть и я! /Ушел./

РАНЕННЫЙ. Французы залили нас огнем. Все пропало. Беги, Мерседес.

МЕРСЕДЕС. Куда мне бежать? Мой нож со мной.

/К р и к и./

Они кричат. Если б я могла влезть на дерево. Проклятая нога.

РАНЕННЫЙ. Подожди. Они прострелили мне только одну руку. /Влез./

МЕРСЕДЕС. Видишь? Что там?

РАНЕННЫЙ. Хуан добегает к ним. Французы стреляют. Хуан упал. Но встал, — он споткнулся.

МЕРСЕДЕС. А мальчик?

РАНЕННЫЙ. Мальчик у него на руках. Он бежит вперед. Добежал. Он берет у Волка знамя. Мальчишка взял знамя. Гверильяс идут. Они не идут.

МЕРСЕДЕС. Трус.

РАНЕННЫЙ. Что он делает!

МЕРСЕДЕС. Говори!

РАНЕННЫЙ. Он взял мальчишку за руку и идет... против пушек. Он идет... несколько натых пошли за ним... еще... еще... пошли... Французы стреляют... доктор идет... мальчик бежит перед ним... Они идут все дальше... ворота закрываются... Ух, какой огонь...

МЕРСЕДЕС. Убит?

РАНЕННЫЙ. Нет. Идет дальше... вот они у ворот. Наши бегут, как львы. Они ломают ворота. Приставили лестницы. Лезут на стены. Вот он лезет.

МЕРСЕДЕС. Хуан?

РАНЕННЫЙ. Нет. Журавль. Мальчишка ушел от отца и лезет с Журавлем... Знамя с ним... Хуан ломает ворота... вот, вот... еще немного, гверильясн... Еще люди...

МЕРСЕДЕС. Французы?

РАНЕННЫЙ. Не вижу. С севера люди. Их много. Они кричат... Мерседес... Знамя гверильясн.

МЕРСЕДЕС. Это Рековалес.

РАНЕННЫЙ. Оба отряда вместе. Журавль уже наверху. За ним лезут еще. Мальчишка со знаменем тоже наверху... Мерседес, Мерседес... Нет, мне это кажется...

МЕРСЕДЕС. Ах, Журавль? Антонио? Убит?

РАНЕННЫЙ. Не то... не то...

МЕРСЕДЕС. Что же?

РАНЕННЫЙ. Над крепостью... над крепостью...
белый флаг.

МЕРСЕДЕС. Тебе это кажется.

РАНЕННЫЙ. Нет, наши остановились... Ворота открываются... выходит человек тоже с белым флагом... Хуан подходит, они говорят... Это значит...

МЕРСЕДЕС. Это значит, что и на этот раз гверилья победила!

РАНЕННЫЙ. Хуан двинулся обратно. /Слезает./ Мерседес! /Плача./ Испания...

МЕРСЕДЕС. Жива... Покажи-ка твою руку. Однако, здорово. Кажется, кость разбита. Рука, пожалуй, пропала. Дай, я перевяжу. Крестьянину плохо без руки.

РАНЕННЫЙ. Как хорошо, что те, кто лежат там и никогда не встанут, знают, что гверильясы идут с победой. Это значит...

МЕРСЕДЕС. Это значит, что гверилья побеждает здесь и везде.
/Голоса./

Наши!

ПОЧТАЛЬОН /входя/. Победа, Мерседес! Крепость сдалась! Сейчас здесь будет Дюпон.

МЕРСЕДЕС. Где Антонио?

ПОЧТАЛЬОН. Он с Мигуэлем. А вот и Хуан.

ХУАН /входя/. Дюпон сдает крепость и оружие, если я обещаю жизнь его войску.

ГОЛОСА. Они такие же крестьяне, как и мы. Нам не нужно их жизни. Нам нужна жизнь

ЛИН. Да пушки.

ХУАН. Верно, друзья! И я поздравляю вас с победой!

ПОЧТАЛЬОН. Нет, Хуан! Поздравлять надо не нас и не тебя.

МЕРСЕДЕС. А кого же?

ПОЧТАЛЬОН. Сынишку Хуана. Вот кого! Как только я увидел, что мальчуган идет под пулями и ничего не боится, я сам потерял всякий страх! "Как, - подумал я, - неужели дети будут учить меня храбрости?" Мне стало стыдно, я побежал вперед и вот - победил!

ГОЛОСА. Верно! Верно! Мы тоже!

ХУАН. Антонио вел себя так, как должен вести себя в бою испанец! Если позволите, я его расцелую от имени всей гверильи! А, вот и он!

МИГУЭЛЬ /входя с Антонио/. Генерал Дюпон!

ХУАН. Ввести его! А ты, Антонио, встань рядом со мной! Мы считаем тебя своим гверильясом!

АНТОНИО. А мы больше драться не будем сегодня?

ХУАН. Нет, Антонио, не будем!

АНТОНИО. А то я очень устал.

МИГУЭЛЬ. Генерал Дюпон!

ДЮПОН /входя/. Прошу доложить, что генерал Дюпон прибыл для переговоров.

ХУАН. Знайте, генерал, что всюду и везде побеждает тот, кто дерется, потому что ему нельзя не драться. Вы можете, побежденный, уйти из Испании во Францию, а нам, побежденным, только одна дорога: на тот свет.

ДЮПОН. Каковы были условия нашей сдачи?

ХУАН. А каковы ваши?

ДЮПОН. Диктует победитель.

ХУАН. Вы привыкли иметь дело с генералами, но здесь вы говорите с народом и народ слушает ваши желания.

ДЮПОН. Если вы гарантируете жизнь сдавшимся, я сдаю крепость и оружие. Но кто мне может обещать, что ваше слово будет сдержано?

ХУАН. Как кто? Весь испанский народ, который никогда не был лжецом. Как ты думаешь, Антонио, мы сдержим свое слово?

АНТОНИО. Не бойтесь, генерал, вас не убьют.

ХУАН. Антонио!

ДЮПОН. Имею честь кланяться!

ХУАН. Одну минуту, генерал, куда вы поедете?

ДЮПОН. К императору Наполеону?

ХУАН. Передайте императору от нас, от всей гверильи, от всей страны: горе тому, кто думает, что гвардия может победить народ. Передайте императору, что он может

завоевать не Испанию, не испанцев, а только разрушенные города и опустошенную землю! Испанию нельзя купить, она не продается. Испанию нельзя победить, она не сдается. Не так ли, друзья мои?

КРИКИ. Гверилья здесь и везде!

АНТОНИО. Испанцев нельзя победить и потому я испанец!

ХУАН. Передайте, генерал, императору, что пока жив хоть один испанец - война в Испании будет продолжаться!

К О Н Е Ц

Разр. ГВРК № 244

Редактор С. Кирьянов
Корректор З. Фрумсон
Подписано к печати 19/XI-1938 г.
Объем 8 печ. лист. Формат 22х29
Тираж 550. Нар. 216. ТГ-4
Уполномочен. Главлита Б-55811
Стеклография изд. "ИСКУССТВО"
Москва, 5-я Тверская-Ямская, 7

